

**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

(СОФ НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ****КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ****ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСА ПОБЕДЫ
НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИЦИСТИКИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
очной формы обучения, группы 92061202
Единак Оксаны Викторовны

Научный руководитель:
д.фил.н., профессор
Семененко Н.Н.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Менталитет и ментальность в аспекте трихотомии «Язык-Сознание-Культура».....	7
§ 1. Смежно-лингвистические понимания, трактовки, характеристики, нюансы менталитета и ментальности.....	7
§ 2. Виды менталитета.....	13
2.1. Особенности этнокультурного менталитета.....	16
§ 3. Языковые способы выражения этнокультурного менталитета.....	19
§ 4. Ментальная установка как составляющая дискурса Победы.....	31
Глава II. Дискурс как объект лингвистического и междисциплинарного описания.....	35
§ 1. К проблеме определения понятия дискурса.....	35
1.1. Интернет-дискурс как речепорождающая среда современной коммуникации.....	42
1.2. Особенности публицистического дискурса в пространстве Глобальной Сети.....	47
§ 2. Лингвостилистические параметры дискурса интернет-СМИ.....	51
2.1. Функционально-стилистическая характеристика дискурса Победы.....	55
Глава III. Параметры дискурса Победы в языке.....	58
§ 1. Языковые средства выражения ментальной установки в дискурсе Победы.....	58
§ 2. Лингвостилистические параметры дискурса Победы.....	73
Заключение.....	82
Список использованной литературы.....	88
Приложение.....	101

ВВЕДЕНИЕ

Проблема дискурса является господствующей на современном этапе развития гуманитарных наук, поэтому в связи с многообразием подходов к изучению в настоящее время нет однозначного определения данного понятия. На протяжении всего периода исследования рассматривались вопросы соотношения текста и дискурса (Т.Н. Хомутова, Т.А. ван Дейк, С.А. Хахалова), идеологии и дискурса (М. Пеше, Ж. Лакан, А.К. Хурматуллин), выводилась сущность дискурсивных практик (М. Фуко), определялись характеристики дискурса и связь данного понятия с категорией ментальности (У. Маас, Ю. Хабермас, П. Серио, Ю.С. Степанов, В.В.Красных, Е.С. Кубрякова, Б.М. Гаспаров, Н.А. Болтнева, В.Е. Чернявская, А.Н. Приходько, Н.Ф. Алефиренко), определялась типология дискурса (В.И. Карасик, Е.В. Михайлова, Т.Н. Хомутова).

Дискурс Победы, который мы исследуем на материале информационно-аналитической интернет-публицистики, представляет собой коммуникативно-речевое пространство, актуализируемое средствами массовой информации в момент празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Дискурс Победы в связи с большим ракурсом распространения и широтой тематического охвата располагается на стыке публицистического, политического, патриотического дискурсов.

Выборка публицистических статей осуществлялась путем поиска ассоциативных ключевых слов и словосочетаний на электронном информационно-аналитическом портале «Однако», на российском ежедневном общественно-политическом интернет-издании «На Линии», на международном проекте «Сноб», на российском круглосуточном информационном телеканале «Дождь», на различных сайтах региональной интернет-публицистики с аналитическими признаками.

Данные ресурсы являются полярными по своей идеологической направленности: если «Однако», «На Линии» и региональная интернет-

публицистика отстаивают консервативные ценности русской нации, то «Сноб» и «Дождь» являются изданиями более либеральными, поскольку все внутригосударственные события авторы рассматривают сквозь мировой контекст, обращая внимания на ценности, которые являются общими для неоднородной аудитории. Поиск тематических информационно-аналитических статей осуществлялся в пределах с 2011-ого по 2016-ый годы, так как именно на эти годы приходится подготовка к празднованию и непосредственно празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Актуальность исследования обусловлена особым вниманием к коммуникативно-речевому пространству, актуализируемому средствами массовой информации в момент празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Также господствующая на современном этапе развития науки антропоцентрическая парадигма ставит главным объектом исследования в гуманитарных областях проблему дискурса, к чему и относится исследуемое нами коммуникативное пространство. Описание языковых параметров дискурса Победы позволяет определить степень проявления ментальной установки в сознании авторов статей и читателей, а также служит ярким примером для презентации стилистических характеристик публицистического стиля.

Объект исследования – дискурс Победы.

Предмет исследования – языковые параметры дискурса Победы.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать языковые параметры дискурса Победы на материале информационно-аналитической интернет-публицистики.

Исходя из поставленной цели, были определены следующие **задачи**:

- 1) описать смежно-лингвистические понимания, трактовки, характеристики, нюансы менталитета и ментальности;
- 2) рассмотреть виды менталитета;
- 3) описать особенности этнокультурного менталитета;

- 4) выявить языковые способы выражения этнокультурного менталитета;
- 5) рассмотреть ментальную установку как составляющую дискурса Победы;
- 6) дать определение понятию дискурса;
- 7) охарактеризовать интернет-дискурс как речепорождающую среду современной коммуникации;
- 8) определить особенности публицистического дискурса в пространстве Глобальной Сети;
- 9) выявить лингвостилистические параметры дискурса Победы и языковые средства выражения ментальной установки в дискурсе Победы;
- 10) разработать методические рекомендации по использованию языковых параметров дискурса Победы на уроках русского языка.

Материал исследования: в ходе работы нами было проанализировано 58 публицистических статей информационно-аналитической направленности. Выборка статей осуществлялась путем поиска ассоциативных ключевых слов и словосочетаний «Победа», «День Победы», «Великая Отечественная война», «ветераны», «память», «патриотизм», «великое событие», «Дети Войны», «праздник», «героизм», «воспоминания» на пяти ресурсах – на электронном информационно-аналитическом портале «Однако», который занимается также выпуском электронного альманаха с постоянно обновляемыми редакционными материалами; на российском ежедневном общественно-политическом интернет-издании «На Линии», который выполняет оперативный авторский анализ как мировых, так и государственных событий; на международном проекте «Сноб», позиционирующем себя как «дискуссионное, информационное и общественное пространство для людей, которые живут в разных странах, говорят на разных языках, но думают по-русски»; на российском

круглосуточном информационном телеканале «Дождь», на сайте которого осуществляется периодический выпуск информационно-аналитических статей и авторских колонок; на различных сайтах региональной интернет-публицистики с аналитическими признаками.

Методы исследования:

- 1) теоретический анализ научной литературы;
- 2) метод контекстного анализа;
- 3) метод дискурсивного анализа;
- 4) общий функциональный анализ.

Практическая значимость данной ВКР заключается в том, что материалы проведенного исследования могут найти практическое применение в школьной практике преподавания русской литературы, русского языка, истории, а также при изучении факультативного курса «Стилистика русского языка».

Структура: ВКР состоит из Введения, трех Глав, Заключения, Списка использованной литературы, Приложения.

Глава I. МЕНТАЛИТЕТ И МЕНТАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ТРИХОТОМИИ «ЯЗЫК-СОЗНАНИЕ-КУЛЬТУРА»

§ 1. Смежно-лингвистические понимания, трактовки, характеристики, нюансы менталитета и ментальности

Одной из приоритетных тенденций развития лингвистики XXI века является осмысление языка как антропоцентрического феномена. Наряду с принципом антропоцентричности, Л.Ю. Буянова считает фундаментальными для развития лингвистики и гуманитарного знания в целом принципы прагматики, интерпретационной множественности и дискурсивности [Буянова 2015: 15]. В свете новых направлений филологической парадигмы актуальным становится взаимодействие лингвистики со смежными науками, а именно: психологией, когнитивистикой, философией, культурологией, этнологией, политологией, социально-культурной антропологией и др.

Так, научный интерес к рассматриваемому нами понятию менталитета можно наблюдать уже в ранних психологических исследованиях. Тем не менее, разработка определения и проблематики данного понятия не носит единого характера, поэтому целостного, установившегося представления о менталитете в гуманитарной науке до сих пор не сложилось. Л.Н. Пушкарев, обобщая опыт исследователей, приходит к выводу, что «ментальность плохо поддаётся вербализации» [Пушкарев 1999: 84].

Впервые термин «менталитет» встречается в работах французского философа Р. Эмерсона в 1856 г., а также в трудах французского этнографа и психолога Л. Леви-Брюлле. Но статус объекта исследования менталитет приобретает в 20-е годы XX века [Буянова 2015: 15]. Большой вклад в начало проблемного изучения менталитета вложила французская историческая школа «Анналы», куда входили М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф, Ф. Бродель, считавшие, что «ментальные структуры имеют неизменную природу. В них преломляются и выражаются наиболее значимые тенденции общественной психологии и жизни в контексте культурно-исторического развития того или

иного народа» [Храпов 2010: 40]. Данная трактовка начинает ориентировать историческую науку не столько на социально-экономические процессы, сколько на анализ духовной жизни. М.А. Шими́на отмечает, что ученые школы «Анналов» рассматривают менталитет как установки сознания, которые включают в себя представления о человеке, обществе, Боге. Но в то же время данные понятия и представления не содержат логической концепции и не подвергаются осмыслению, относясь таким образом к области подсознательного [Шими́на 2007: 112].

Французские исследователи впервые обращают внимание на связь менталитета и мышления: для образования, понимания, истолкования общей модели мира человек использует совокупность впечатлений, представлений и образов, что и представляет собой менталитет. «Значит, мышление – это познание мира, а менталитет – это манера мышления человека, его склад ума, его особенность, своеобразие его личности» [там же 2007: 113].

Большинство зарубежных и отечественных исследователей также считают, что по своему содержанию менталитет относится к сфере сознания, поэтому целесообразно рассматривать взаимодействие менталитета с мышлением как высшей формой сознания. Л.Н. Пушкарев, между тем, обращает внимание на отличие понятий «мышление» и «менталитет». По его мнению, мышление есть непосредственно процесс познания окружающего мира, а менталитет – процесс осмысления, характеристика и оценка полученной информации. Это своеобразное мышление образами, которое включает в себя и ценностные, и эмоциональные ориентации, а также коллективную психологию, «влияющую на общественное поведение масс» [Пушкарев 1999: 82].

Е.А. Ануфриев и Л.В. Лесная поддерживают мысль об образной природе менталитета и определяют причины формирования данного явления, считая менталитет социально-психологическим состоянием субъекта, в качестве которого может выступать народ, нация, народность, социальная группа либо человек. Данное социально-психологическое состояние зависит

в большей степени от длительного исторически-устойчивого воздействия различных условий проживания: этнических, культурных, социально-политических, естественно-географических, – имеющих в своей основе связь прошлого с настоящим [Ануфриев, Лесная 1997: 18].

Наряду с социологией, психологией и другими гуманитарными науками менталитет активно изучается через призму языка, что позволяет судить об исторической трансформации культуры, поскольку именно менталитет образует фундамент той или иной национальной культурной среды. Посредством языка можно проследить динамику менталитета, определить вектор его развития, увидеть разницу в аспектах ассоциативного мышления различных народов, описать языковое выражение ментальных стереотипов поведения.

Исследованием проблем взаимоскорреляции языка, культуры, сознания и ментальности занимаются многие отечественные лингвисты, среди которых можно выделить работы Н.Д. Арутюновой, Л.Ю. Буяновой, Н.Ф. Алефиренко, С.Г. Воркачева, А.В. Гуревича, В.И. Карасика, В.В. Колесова, В.А. Масловой, В.Н. Телия, Ю.С. Степанова и др.

Для активно развивающейся сегодня когнитивной лингвистики менталитет определяется как специфический способ восприятия действительности, который включает в себя совокупность «когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей» [Буянова 2009: 83]. Менталитет как способ понимания действительности представлен в виде картины мира, которая отличается коллективными установками и стереотипами, влияющими на мировоззрение каждого отдельного индивида, формирующими ценности и модели поведения в тех или иных ситуациях. Человек в данном случае воспринимается в качестве носителя той или иной национальной ментальности и определенного языка, который участвует в совместной поведенческой и речевой деятельности со всеми «представителями национальной общности» [Маслова 2001: 113]. По определению

Н.Ф. Алефиренко, «менталитет – это своего рода стереотипная установка культурно-когнитивного «камертона» на восприятие наивной картины мира сквозь призму ценностной прагматики этнокультурного сознания» [Алефиренко 2011: 28].

С.О. Монгуш выделяет базовые признаки менталитета, среди которых основными являются целостность, устойчивость, в определенной мере стихийность, бессистемность, тяготение к подсознанию, коллективность и, как следствие, «невосприимчивость к деятельности индивидуального сознания» [Монгуш 2010: 73]. Менталитет выражает повседневное состояние коллективного сознания той или иной общности, поэтому является частью коллективного порядка. Складываясь преимущественно исторически, менталитет не выступает результатом деятельности мыслителей и идеологов. В научном дискурсе принято учитывать экстралингвистическое содержание данного понятия, в результате анализа которого менталитет может рассматриваться в качестве образа мышления и склада ума; способа отношения к миру; единого комплекса восприятия реальности, ценностей общества и моделей поведения; особенностей психической жизни, проявлением чего выступает национальный характер; регулятора нормативного отношения к миру; интуитивного типа реакции на действительность; неосознанного характера бытования; картины мира; принадлежности той или иной общности людей по национальному или социальному признаку [Жуковская 2015: 78].

Наряду с менталитетом как основным и многозначным понятием гуманитарного знания, пристального внимания заслуживает также понятие ментальности, которое является объектом рассмотрения преимущественно в лингвистике, поскольку ментальность «понимается как процесс «вторичной перекодировки» картины мира с помощью знаковых систем, как способ реализации модели мира в различных семиотических воплощениях, которые образуют универсальную систему, имеющую природу семиосферы» [Забелина 2007: 24]. В вопросах соотношения менталитета и ментальности

Н.Ф. Алефиренко считает, что в категориях родного для этноса языка образуется совокупность проявлений по восприятию внутреннего и внешнего мира, как сознательного, так и бессознательного, а также наблюдается «специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных качеств того или иного культурно-языкового сообщества» [Алефиренко 2011: 28]. Выделяется, что при данном подходе к ментальности допустимым является учет особенностей единиц языка (категориальных, функционально-семантических и других), которые репрезентируют различные черты ментальности, «поскольку именно подсознательная реакция «запускает» универсально-предметный код в его категоризирующей функции» [Алефиренко, Семененко 2011: 6].

По справедливому замечанию Л.Ю. Буяновой, ментальность как лингвистическая категория складывается в результате взаимодействия культурного, исторического и, в частности, лингвоисторического опыта в процессе познания действительности. Важным является способность ментальности отражать те или иные корреляции и оценки объективной действительности, что выражается «в способности конкретного знака языка различного уровня с помощью особых когнитивно-вербальных механизмов воспроизводить по определенным языковым правилам семантику национально-культурного видения мира» [Буянова 2009: 85].

Проявление ментальности происходит на всех уровнях речевой деятельности: в речевом акте; в речевом поступке, который определяется как цепь речевых актов, объединенных единой целью, актуальной для определенной коммуникативной ситуации; в речевом поведении, понимаемом как совокупность речевых поступков; в речевой политике, то есть в «регулируемой государством стратегии желательного речевого поведения в масштабах совокупной языковой личности этносоциума» [Ворожбитова 2005: 129].

Так, ментальность как одна из характеристик сознания и имплицитное свойство языка в то же время выполняет важные психические и социальные

функции. Л.Ю. Буянова считает, что научное изучение ментальности дает большие возможности для анализа механизмов формирования общественного сознания, позволяет исследовать особенности и последствия взаимодействия и взаимовлияния культур, что способствует «появлению в лингвистике новых исследований, опирающихся на взаимодействие и взаимопроникновение языка и культуры» [Буянова 2009: 83].

Поскольку менталитет находится в основе картины мира, которую понимают как сложное образование, включающее как научное и понятийное знание, так и коллективное и мифологическое бессознательное, различные идеологии, религиозные учения и виртуальное построение искусства [Турбина 1997: 84], то ментальность как языковая категория является одной из составляющих частей языковой картины мира. В лингвистике существуют разные понимания данного термина.

Например, В.А. Маслова считает языковую картину мира всего лишь метафорой, поскольку те реальные особенности национального языка, фиксирующие опыт общественно-исторической организации той или иной общности вовсе не создают для носителей языка картину мира, кардинально непохожую на объективно существующую, а лишь образуют «специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которые порождаются спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова 2004: 52].

А.А. Зализняк понимает языковую картину мира как совокупность представлений о действительности, которые заключены в значении языковых единиц «(лексических единиц, «дискурсивных» слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов или предписаний» [Зализняк 2006: 207].

Многие ученые называют способ представления мира в лингвистических категориях языковой ментальностью, описываемую как «этноспецифическую интерпретацию мира говорящим коллективом»

[Емельянова 2015:157]. В частности, Т.Б. Радбиль определяет языковой менталитет как «национально-специфичный способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощенный в семантической системе национального языка» [Радбиль 2013: 66].

В свою очередь, языковая ментальность выступает в качестве основы для образования языкового сознания, под которым понимают совокупность отражений культурных и жизненных особенностей этноса в языке. «В языковом сознании, формируемом значением слов того или иного языка, содержится национально-субъективный образ мира и присущие ему общенародные, стереотипные представления» [Емельянова 2015: 157].

Таким образом, взаимодействие языка, сознания и культуры составляет основу ментальности. Мы согласны с Н.Ф. Алефиренко, который считает, что «взаимоотношение исходной системы (языка) и среды (этнокультурного сознания) может включать также и функциональное взаимодействие языка (системы) и речи (культурно-дискурсивной среды, в которой система реализуется)» [Алефиренко 2011: 26]. Если язык способен реализовывать ментальность его носителей, то он является инструментом сознания. В таком случае языковое сознание понимается как способ интерпретации мира, выраженный в категориях языка и присущий определенному сообществу.

§ 2. Виды менталитета

В современной гуманитарной науке существуют разные критерии дифференцирования менталитета на виды и классы. Зачастую основой для деления является понимание менталитета как культурно-исторической формы бытия. Так, исследуя данное понятие в подобном культурологическом ракурсе, Т.В. Агапова выделяет «западный» (он же дедуктивно-познавательный) менталитет, который стремится посредством определенных понятий отражать действительность и имеет конкретное практическое направление. Противоположный, «восточный» менталитет, ориентирован на интуитивное восприятие действительности и направлен в большей степени

на понятие и совершенствование внутреннего мира, для достижения чего использует мифы, в основе которых лежат образы. Третий тип, менталитет «традиционного общества», направлен на рассмотрение определенных ситуаций и на принятие конкретных решений по проблемам, стоящим перед общностью. Выделяются также латиноамериканский и африканский менталитеты [Агапова 2009: 145].

А.Н. Приходько отмечает, что менталитет «является феноменом гетерогенного порядка, элементы которого различаются по цивилизационным, эндемическим (региональным) и этническим принципам, а его носители – по возрасту, полу, статусу, происхождению» [Приходько 2013: 102]. Сущностная характеристика менталитета одного народа может варьироваться в различные исторические периоды. Ментальность, в свою очередь, также может проявлять историческую динамику: например, изменяться в условиях исторически-переломных моментов либо подвергаться влияниям других культур [там же 2013: 102]. Можно брать во внимание не только специфические черты народа, но социальной группы или личности, в связи с чем выделяется менталитет отдельного человека и менталитет северных народов. Если рассматривать менталитет в контексте социально-экономических формаций, то целесообразно говорить о рабовладельческом, феодальном, средневековом менталитетах. Выделяется даже менталитет той или иной социальной страты, например, менталитет новых русских, менталитет мажоров, военный и криминальный менталитеты. Между тем, многие исследователи «пишут о ментальности еще более высокого уровня обобщения («клубы ментальности») – например, прозападной (дедуктивно-познавательный), восточной (интуитивно-созерцательной) и традиционной (конкретно-предметной). Менталитеты бывают похожими и бывают непохожими, вплоть до антагонизма (так называемые «квадры ментальности») [Приходько 2013: 101].

Все вышеперечисленные признаки объединяет в себе этнокультурный (этнический) менталитет, с чем согласны большинство современных

исследователей. Каждый из этнокультурных менталитетов (русский, английский, немецкий, японский и др.) репрезентирует собственную этноспецифическую картину мира, складывающуюся на базе культурных ценностей и традиций. В частности, Л.Ю. Буянова считает, что этническая картина мира образуется на основе представлений человека о мире, которые строятся на культурно-ценностных доминантах [Буянова 2015: 21]. По мнению А.Т. Хроленко, менталитет проявляется в манере говорить, мыслить, в способности оценивать события и выбирать собственный ракурс поведения. Менталитет не поддается копированию с долговременным эффектом, «его можно лишь вобрать в себя вместе с языком, который содержит мировоззрение и коды данной культуры. Он выражает себя косвенно, исподволь «навязывая» содержание и форму любому дискурсу» [Хроленко 2004: 45].

Т.В. Агапова определяет этнический менталитет как «исторически сложившуюся устойчивую органическую целостность социально-психологических качеств и черт, присущих именно этой этнической общности, составляющим ее группам и гражданам, существующая на осознаваемом и неосознаваемом уровнях, которая обуславливает специфический для каждой общности тип мировосприятия, аксиологической оценки, поведения и самоидентификации» [Агапова 2009: 145].

В свою очередь, С.Р. Омельченко разрабатывает концепцию этноязыковой ментальности, посредством которой изучаются и объясняются особенности речевой и мыслительной деятельности отдельных этнических групп, закрепленные в языке: в семантике, грамматике и т.д. Так же, как и языковая, этноязыковая ментальность предполагает обращение внимания на связь сознания и языка, поскольку именно мыслящая личность служит субъектом ментальной деятельности [Омельченко 2010: 72].

Итак, этнокультурный менталитет имеет устойчивый характер, включающий в себя стереотипные представления, нормы поведения,

традиции, привычки, систему ценностей и оценок, что позволяет отличать его от нестабильных, меняющихся идеологий.

2.1. Особенности этнокультурного менталитета

Понятие этнокультурный менталитет находится в неразрывной связи с понятием культура, влияющим на восприятие, познание, поведение как отдельного индивида, так и всей человеческой деятельности. Зарождение культуры происходит во время противопоставления человека среде, когда начинается обрабатывание окружающей среды и приспособление ее под себя ради комфортной жизнедеятельности.

Само понятие культуры достаточно объемно: это и общечеловеческий феномен; и культура конкретного государства; и культура индивидуума; каких-либо религиозных объединений или политических движений; и культура половых либо возрастных групп; и, наконец, культура этноса, вбирающая в себя весь накопленный жизненный опыт данного народа.

И.И. Киреева считает, что культура развивается благодаря двум осям координат: существующим материальным предметам, которые созданы человеком в определенном временном отрезке; и смыслам, порождаемым данными артефактами в сознании. Именно благодаря символизации культура становится частью личности, субъективируется и дает возможность порождать новые значения [Киреева 2015: 96].

Многие исследователи, среди которых Л. Гумилев, О. Шпенглер, отмечают, что этническое разнообразие обуславливают вовсе не физические и материальные особенности, а культурные различия, поскольку важным становится деятельность людей в отношении действительности [там же 2015: 97]. Эта действительность фиксируется в знаках, происходит кодирование всего этнического культурно-исторического опыта, которое, по мнению Н.Ф. Алефиренко, «упорядочивает ценностно-смысловые отношения, причем координирующие механизмы языка служат своего рода этноязыковой матрицей семантизации окружающего мира» [Алефиренко 2002: 70].

Естественным является тот факт, что познание и освоение окружающей действительности в культурном, символическом и языковом планах не является одинаковым для всех этносов, хотя может строиться по сходным моделям.

Например, каждому народу помогает самоидентифицироваться дихотомия «Свой-Чужой», которая выступает своеобразным ориентиром в мире, наделяя смыслом осознание своего «Я» и относясь к мыслительным универсалиям. В случае самоидентификации этнокультурный менталитет определяет формы поведения индивидов, формирует представления, мотивационно-прагматические реакции, образы, модели поведения, обеспечивая тем самым самоузнавание группы и активируя режим «Свой». В случае собственно идентификации, как считает Л.Н. Гумилев, этнокультурный менталитет выделяет те признаки, которые привычному сознанию кажутся странными, непонятными в поведении других народов, что составляет сущность режима «Чужой». В соответствии с этими сторонами у ученых складываются три возможных направления изучения этнокультурного менталитета: «Мы о себе»; «Мы о них»; интегрированный подход, объединяющий первые два направления [Приходько 2013: 103-104].

Дихотомия «Свой-Чужой» находит своё отражение также в языке народа. Именно в вербальном этноязыке воплощаются составляющие предметно-культурных кодов, которые, обретая словесное оформление, становятся кодами лингвокультурными. Само употребление в лингвистике генетического слова «код» означает, что менталитет складывается в процессе «наследования этнокультурной информации» [Алефиренко 2002: 69].

В гуманитарных науках понятие культурный код используют для того, чтобы показать национальные особенности культуры, выявляющиеся либо в ходе теоретических исследований, либо непосредственно в культурных взаимодействиях [Тихонова 2012: 218]. Так, философ К.М. Кантор подразумевает под культурным кодом основополагающие черты характера этноса [Коврижных 2016: 16].

Культурные коды присущи любому человеку, то есть являются с этой точки зрения категориями универсальными. Но в то же время они по-разному отражают культуру в языке, поскольку всегда этнически обусловлены. Более того, среди всего многообразия познавательных кодов ключевым кодом выступает этнический язык, поскольку используется не просто как средство описания культуры, но является той знаковой «средой обитания» культуры и этнокультурного менталитета, в которой последние формируются, воспроизводятся посредством речевых процессов и трансформируются [Алефиренко 2011: 37]. Еще В. Гумбольдт отмечал, что «язык не есть обозначение сформированной от него мысли, но сам есть орган, формирующий мысль» [Радченко 1997: 62].

Особенно важным становится то, что процесс знакового кодирования культурной информации в языке не завершается передачей сообщения, а служит лишь огромным каркасом «всего процесса семантизации действительности, продуктом которой выступают ценностно-смысловые отношения, сложившиеся в той или иной культуре» [Алефиренко 2011: 37].

В целом, общность культуры, быта, религии, языка формируют базовые признаки этнического сознания – немаловажной составляющей этнокультурного менталитета. Сущность этнического сознания заключается в осознании собственной принадлежности к этносу, а также в отношении к другим национальностям. Восприятие себя и мира этническим сознанием осуществляется «в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, представляющих содержательные контуры той или иной национальной культуры» [Алефиренко 2010: 120].

В свою очередь, касательно связи менталитета, сознания и языка И.А. Стернин вводит понятие национальное коммуникативное сознание, состоящее из механизмов сознания, обеспечивающих человеку коммуникативную деятельность. Коммуникативные категории, среди которых можно выделить *культуру речи* и *хорошую речь*, «упорядочивают

ментальные представления нации о нормах и правилах коммуникации» [Стернин 2002: 87].

Таким образом, разнообразие этнокультурных менталитетов обусловлено культурными различиями, закрепляющимися в языке в результате кодирования культурно-исторического опыта народа, вершиной которого становится этническое сознание.

§ 3. Языковые способы выражения этнокультурного менталитета

Как уже отмечалось, язык неразрывно связан с категорией этничности. Одной из практических задач данной работы является определение языковых способов и средств представления этнокультурного менталитета в дискурсе Победы, который является частью национальной языковой картины мира. В связи с этим целесообразным считаем рассмотреть теоретическую сторону вопроса и выделить наиболее частотные ментальные репрезентации и доминанты в русском языке.

Бесспорным является утверждение, что любой национальный язык выполняет важную функцию сохранения и воспроизведения знаний языкового сообщества о мире. С одной стороны, знания хранятся «пассивно» в грамматике и семантических словарях языка, с другой – воспроизводятся в речи, в устных либо письменных сообщениях [Абдразакова 2016: 260].

Р.Х. Хайруллина рассматривает национальную языковую картину мира в качестве феномена, который объединяет в себе языковые микромиры, функционирование которых зависит от целей коммуникативной деятельности языковых носителей [Хайруллина 1996: 40]. Некоторые ученые определяют данное понятие как лингвокогнитивный уровень языкового менталитета, который воплощает знания о мире [Радбиль 2013: 172]. З.Д. Попова же считает основной национальную когнитивную картину мира, суть которой заключается в единообразном поведении народа в аналогичных ситуациях, в схожих представлениях касательно действительности, в общих

высказываниях. Язык в данном случае выступает силой, которая организует этнос [Попова 2002: 11].

Действительно, формируясь под воздействием менталитета, язык, в свою очередь, сам способен оказывать влияние на становление менталитета личности. Доказательством данного утверждения могут служить научные выводы Э. Сепира, полагавшего, что люди находятся под постоянным влиянием конкретного языка: «Мы видим, слышим и воспринимаем те или иные явления, главным образом, благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [Сепир 1993: 259].

В современной лингвистике нет единой концепции того, каким образом этнокультурный менталитет находит свое выражение в языке. Обладая одним понятийным аппаратом, ученые зачастую вкладывают собственный смысл в данные понятия (в зависимости от того, в рамках какой дисциплины и лингвистической школы проводят исследовательскую деятельность), разрабатывают различные теории по выражению менталитета. Но объединяет такое разнообразие научных подходов общая идея, заключающаяся в стремлении максимально объективно выявить способы, средства, механизмы связи сознания, мышления, культуры, менталитета и языка.

Так, Т.А. Сироткина считает главным средством репрезентации этнокультурного менталитета так называемые этнонимы, то есть ключевые слова национальной культуры, отличающиеся простотой, частотностью и информативностью. Главными способами образования этнонимов, по Т.А. Сироткиной, являются языковые процессы концептуализации и ассоциирования. На концептуализацию оказывают значительное влияние история и мировоззрение народа, а также географические условия проживания. Например, концепт «Этнос» в Пермском крае представлен этнонимом «вогулы, вогульё» (они же манси), поскольку образ народа издавна воплощен в народных сказках и именно данный этноним употребителен в речи. Ассоциирование, наряду с участием субъективного

опыта индивида, определяется и направляется культурой, в результате чего образуются те или иные представления. В частности, процесс ассоциирования лежит в основе этнокультурных стереотипов [Сироткина 2009: 49].

Л.Ю. Буянова называет наиболее показательными в представлении категории ментальности «такие языковые феномены, как *слово, фразеологизм, текст, концепт*» [Буянова 2009: 83]. Данные единицы не существуют отдельно, а служат основой для формирования друг друга: они связаны формально и семантически посредством дискурса [там же 2009: 84].

По мнению Н.Ф. Алефиренко, «эпицентром ментальности выступают соответствующие этнокультурные константы, которые спонтанно всплывают в индивидуальном сознании» [Алефиренко 2011: 28], поэтому каждой национальной культуре присущи *идеальные артефакты*, состоящие из знаков, языковых образов, символов и заключающие результаты познавательной деятельности культурного сообщества. В результате укоренения в сознании идеальные артефакты становятся базовыми культурными концептами, которые в момент коммуникативного воспроизведения ориентированы «на выполнение различного рода директивных, воздействующих и экспрессивно-оценочных функций в зависимости от речевых интенций» [там же 2011: 32]. Затем важные для культуры концепты становятся константами этноязыкового сознания, которые вычленяются из языка посредством выборки «ключевых слов». Например, А.Д. Шмелев считает ключевыми такие слова, как *даль, приволье, раздолье, простор* и др., а Ю.С. Степанов – слова *свои и чужие, мир, Русь, Родная земля, время, хлеб, правда и истина, совесть, дом, тоска, грех, печаль, вечность* и др. [Алефиренко 2010: 91].

Такие понятия, как *концепт, фрейм, сценарий, скрипт, геиштальт* Н.Ф. Алефиренко понимает как когнитивные мыслительные структуры, находящиеся в отношениях иерархии друг к другу. На вершине находится *геиштальт*, представляющий собой обобщенный мыслительный образ,

который затем делится на структуры – *фреймы, скрипты, сценарии*. Самой маленькой когнитивной структурой является *концепт*, который называют содержательной единицей ментальности [Алефиренко 2010: 120].

Особое внимание уделяет Н.Ф. Алефиренко стадиям фиксации взаимодействия человека с действительностью, которыми считает *слово, образ, знак, символ*. Образ представляет собой самую первичную форму воспринимаемых событий и явлений в виде обобщенной картины и может храниться в памяти в качестве воспоминания, «следа». Слово способствует превращению образа в часть системы коммуникации. Знак помогает находить подходящие слова для выражения образа. И, наконец, символ наделяет вербализованный образ смыслом, который может долго сохраняться во времени и воспроизводиться многими носителями языка [там же 2010: 154].

Вопросами языкового представления этнокультурного менталитета занимается Т.Б. Радбиль, который выдвигает уровневую концепцию языкового менталитета на основе теории языковой личности Ю.Н. Караулова [Радбиль 2013: 67].

Так, языковой менталитет в концепции Т.Б. Радбиля имеет четыре уровня. Считаем целесообразным опираться на данную концепцию при исследовании практического материала данной работы.

Первый, вербально-семантический уровень, отражает национально-специфическую семантику слов, проявляющуюся в лексических, словообразовательных, грамматических особенностях языка, к которым относятся, например, фонетическое оформление, порядок слов в предложении, частеречное членение слов, формообразующие и словообразовательные форманты, явления синонимии и полисемии, понятие «внутренней формы» слова, принципы частотности употребления и «ключевых слов», интерпретационная национальная специфика лексики и др. [Радбиль 2013: 77].

Лингвокогнитивный уровень строится на процессе концептуализации действительности и находит отражение в языковой картине мира. В данном случае рассмотрению подвергаются ключевые концепты; человек, пространство и время в русской языковой картине мира; языковая мифологизация как один из главных способов интерпретации знаний; а также различные ментальные репрезентации: прототипы, концепты, гештальты, фреймы, символы, идеологемы, образы, стереотипы и др. [там же 2013: 78].

Аксиологический уровень представлен описанием базовых ценностей и типов отношений к миру, которые Ю.С. Степанов называет «константами культуры». Подобные культурные концепты имеют ценностно окрашенную семантику, выраженную как в языковых, так и в экстралингвистических коннотациях. На данном уровне рассматривается также коннотативный потенциал грамматической и лексической систем языка, выделяется два главных типа представления коннотации в языке: мифолого-символический и образно-метафорический [там же 2013: 79].

Последний, мотивационно-прагматический уровень, описывает типичные для этноса нормы поведения, мотивы, потребности, установки, цели, выраженные в речеповеденческих стереотипах, формулах речевого этикета, прецедентных феноменах, культурных сценариях [там же 2013: 80].

Итак, в процессе теоретического освещения вопроса на основе исследований известных ученых-лингвистов мы выявили наиболее значимые ментальные репрезентации в языке, на рассмотрении особенностей которых считаем важным остановиться наиболее подробно.

Культурно-ценностные установки нации. Определение и выявление ценностных установок невозможно без обращения к работам русских философов, поскольку лингвистика ставит своей целью описание репрезентаций данных ценностей непосредственно в языке, а вовсе не наоборот. Напротив, тот факт, когда выявленная философами та или иная черта менталитета получает свое воплощение в языковой форме (что чаще всего проявляется в семантике отдельных слов либо в семантике

высказывания с учетом всего контекста, куда входят также экстралингвистические параметры), говорит о степени важности и закреплённости установки в этнокультурном сознании.

Так, большинство русских философов, среди которых внимания заслуживают И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Вл. Соловьев, и их современные последователи – В.А. Гребеньков, В.М. Меньшиков, Д.В. Полежаев – считают, что главным культуuroобразующим компонентом жизни русского народа является православие – духовный феномен, с помощью которого человек познает окружающий мир и себя в том числе [Гребеньков 1997: 5]. На данной основе выделяют следующие ценностные установки: 1) соборность, которая проявляется в коллективистском начале; 2) неуважительное отношение к праву собственности; 3) интуитивизм, внимательное отношение к духовному опыту, открытость души в отношении к чужому «Я»; 4) стремление к крайностям – «все или ничего»; 5) фатализм, непредсказуемость жизни и др. [Полежаев 2003: 143-156].

Д.С. Лихачев в своих работах определяет *черты русского национального идеала*, в который входят мученичество, самоирония, любовь к миру и одновременно признание греховности мира, жалость к униженным и падшим, непротивление насилию физическими способами [Лихачев 1987: 272].

Изучением проявления и закрепления культурно-ценностных установок в языке занимается В.В. Колесов, который основными считает такие установки, как: 1) ориентация языковых носителей на веру и авторитет и, напротив, недоверие практике как критерию истины. Этим объясняется интерес русского человека к странным и юродивым, в которых чувствуется проявление мистики; 2) преобладание образной составляющей жизни над рационалистической. Даже понятие о конкретном в русском сознании не носит чисто прагматического характера, а воспринимается как знак некоего обобщенного; 3) наличие целостного (религиозного) взгляда на окружающую действительность и, как следствие, выраженный синтетизм мышления,

преобладающий над аналитизмом; 4) важность духовных качеств при общении, восхищение всем мистическим, не поддающемся логическому объяснению [Радбиль 2013: 41].

Такие ученые, как А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев называют культурно-ценностные установки нации *ключевыми идеями* русской языковой картины мира, среди которых выделяют: 1) идею правды и справедливости; 2) идею открытого эмоционального общения; 3) острое восприятие нюансов человеческого общения; 4) необходимость в большом необжитом пространстве для осуществления самореализации и счастливой жизни [Зализняк 2005: 11].

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что ценности стабильны, хоть и могут меняться исторически. Более того, ценность напрямую связана с оценкой, что проявляется в положительном или отрицательном отношении к различным явлениям и поступкам. Связь ценности и оценки можно наблюдать в языке: в семантике, в средствах выражения значения, в парадигматических отношениях, то есть в возможностях «варьирования и выбора номинативных единиц (семантико-стилистическая синонимия, вариантность лексических и фразеологических единиц» [Алефиренко 2010: 69].

Прецедентные феномены. Термин прецедентные тексты в лингвистику ввел Ю.Н. Караулов в качестве важного знака ментальности, под которыми понимал хорошо известные и значимые для окружения личности тексты, употребление которых периодически возобновляется в дискурсе [Караулов 1987: 216].

В.В. Красных расширяет значение данного понятия и начинает говорить о прецедентных феноменах, которые могут быть как вербальными (тексты), так и невербальными. К последним, в свою очередь, могут относиться различные памятники архитектуры, живописи, музыкальные произведения и др. Отличительными чертами прецедентных феноменов ученый считает их широкую известность представителям культурного

сообщества; стоящее за ними общее для носителей этнокультурного менталитета коннотативно-окрашенное представление [Красных 2002: 31].

Выделяются виды прецедентных феноменов: 1) прецедентный текст – набор знаков со сложным, суммарным смыслом. Сюда могут относиться тексты русской художественной литературы, известные анекдоты, фразы из рекламы и песен; 2) прецедентная ситуация – некий образ ситуации с характеризующими ее определенными коннотациями, входящими в когнитивную базу (например, *Смутное время*), либо атрибуты, вызывающие ассоциации с определенной ситуацией (например, *Грехопадение – яблоко, соблазнение* и др.); 3) прецедентное имя – имя, принадлежащее реально существующему историческому лицу (*Иван Грозный*), связанное с хорошо известным художественным текстом (*Наташа Ростова*) либо с ситуацией (*Иван Сусанин*); 4) прецедентное высказывание – цитаты из различных текстов, из речи известные людей, пословицы и др. [там же 2002: 47].

Прецедентные феномены кодируют, хранят и воспроизводят в нужное время важную для культуры этноса информацию. Представители языкового сообщества обращаются к ним, чтобы выразить субъективную оценку, передать эмоциональное состояние, а изучение феноменов помогает выявить специфические черты этнокультурного менталитета [Цопанова 2015: 253].

Этнокультурные концепты. Термин концепт не является новым в науке, поскольку в лингвистике его использовали еще в эпоху средневековья такие ученые, как П. Абеляр, Т. Гоббс и другие. Концепты рассматривались как универсалии, представляющие совокупность каких-либо понятий или обобщенные признаки чего-либо. В отечественную лингвистику данный термин вошел благодаря исследованиям С.А. Аскольдова, определяющего концепт как мыслительное образование, замещающее неопределенное количество предметов одного рода, и Д.С. Лихачева, подчеркивающего роль личного и народного опыта человека в процессе образования концепта [Ефремов 2009: 97].

В общем виде концепт можно представить как «сгусток смыслов и ассоциаций, стоящий за словом и имеющий укорененность в точке зрения на мир, представленной в языке. Это то, что представляется мне при произнесении слова» [Радбиль 2013: 206].

На современном этапе развития лингвистической мысли концепт входит в терминологический аппарат таких дисциплин, как лингвокультурология, лингвоконцептология, когнитивная лингвистика, когнитивная лингвокультурология, психолингвистика и др. А.В. Бастриков называет семь подходов к изучению классификаций лингвокультурных концептов. Например, в случае ориентации на язык выделяют событийные, предметные, признаковые концепты (И.А. Стернин, З.Д. Попова). В зависимости от реализующего концепт дискурса можно выделить художественные, личностные, научные, спортивные концепты (В.В. Карасик, С.А. Аскольдов) [Бастриков 2012: 17].

В рамках задач данного исследования нам интересен подход, в котором классифицирующим признаком является включенная в концепт оценка. На таком основании выделяют концепты индивидуальные, групповые, этнокультурные, общечеловеческие и др. (Н.Ф. Алефиренко, А.А. Залевская, С.С. Ваулина) [там же 2012: 18]. Именно в этнокультурных концептах наиболее ярко проявляется видение мироустройства и специфика мировосприятия той или иной культуры.

Этнокультурный концепт неразрывно связан с ценностными установками нации, его можно рассматривать в качестве основной «ячейки» хранения наиболее важной информации в каждой этнической языковой картине мира. «Это ключевой смысл, актуализированный не одним знаком, а целым их набором» [Радбиль 2013: 206].

Н.Ф. Алефиренко называет главным смысловым пластом концепта коннотативную семантику, которая актуализирует не только когнитивные (образные, мифические, обыденные) структуры, но также и эмоциональные переживания. Важной особенностью концепта можно назвать его

«способность концентрировать результаты дискурсивного мышления в образно-оценочном и ценностно-ориентированном представлении» [Алефиренко 2011: 35]. Даже универсальные концепты, которые выражают общечеловеческие ценности, содержат в себе налет этнокультурных смыслов. Закрепление концептов в языковом сознании не является однородным, поскольку одни входят в ядро этнокультурного менталитета, а другие составляют его периферию. Концепты, входящие в ядро, как правило, хорошо известны всем членам этнокультурного сообщества. Так, по мнению А.В. Бастрикова, в ядро русской языковой картины мира входят такие концепты, как *душа, простор, достоинство, свобода* и др. [Бастриков 2012: 18]. Периферийные концепты, в свою очередь, могут образовывать новые смыслы, именно по этому принципу формируется современный русский менталитет [Алефиренко 2011: 35].

А.Н. Приходько выделяет два уровня значимости и ценности концепта – лингвокультурный и социодискурсивный. Лингвокультурная значимость концепта выражается в том, что на понятие через языковой знак наслаиваются ассоциации, образы, знания, вследствие чего язык становится не просто знаковой системой, а одним из способов репрезентации культуры. Сущность социодискурсивной значимости концепта составляет его функциональная прослойка, которая становится частью мировидения отдельного человека, включенного в контекст коммуникативного общения общества [Приходько 2013: 28].

Фреймы. Данное понятие также не имеет однозначной трактовки в современной лингвистике, несмотря на то, что вошло в научную среду еще в 1980-х годах благодаря когнитивным исследованиям М. Минского. Он представлял фрейм в виде сети отношений, хранящейся в памяти и воспроизводимой при необходимости, например, в случаях адаптации к действительности после каких-либо изменений [Радбиль 2013: 215]

В рамках нашего исследования мы опираемся на определение И.А. Тарасовой, которая понимает фрейм как «когнитивную структуру более

высокого порядка, чем концепт, как тип взаимодействия между концептами, способ (форму) организации ментального пространства» [Тарасова 2004: 2]. С данной точкой зрения согласны Н.Н. Болдырев и М.В. Никитин, добавляя, в свою очередь, что концепт имеет более упрощенную структуру, поскольку в основе его образования лежит образ либо ассоциация, в то время, как фрейм отражает целую ситуацию или сценарий развертывания картины (сцены) со всем многообразием узлов и отношений [Соколова 2007: 236].

Структура фрейма представляет собой набор слотов, в качестве которых могут выступать концепты, находящиеся в иерархических отношениях друг к другу. Ядерные концепты фрейма, как правило, являются устойчивыми и аксиологически значимыми для носителей языкового сознания. Периферийные, напротив, могут наполняться новыми смыслами либо меняться в зависимости от дискурсивного потенциала и экстралингвистических характеристик [там же 2007: 238].

О.В. Гусельникова, разрабатывая методику фреймового анализа, считает, что слоты в иерархической структуре фрейма выстраиваются в зависимости от частотности употребления, «в соответствии с движением от «стабильных признаков к нестабильным» [Гусельникова 2009: 31].

Фреймы являются значимой ментальной репрезентацией, поскольку отражают особенности организации знаний о действительности и опыта взаимодействия с ней, которые находят отражение в языковой картине мира определенного этноса.

Этнокультурные и речеповеденческие стереотипы. Понятие стереотип в науку ввел в 1922 г. американский политолог У. Липпман, понимая под ним схематичные и легко воспроизводимые «картинки» в голове человека [Вилинбахова 2012: 19]. В лингвистическую среду данное понятие вошло благодаря исследованиям Патнэма, который определяет стереотипы как общеизвестные представления о каком-либо объекте или явлении, необходимые для усвоения с целью приобщения к языковому коллективу [Вилинбахова 2012: 20].

Разные ракурсы исследования стереотипа предполагают рассмотрение понятия в соответствие с изучаемой областью: например, выделяют политические, мыслительные, гендерные, расовые, профессиональные, речеповеденческие, этнокультурные (этнические/ментальные) стереотипы.

Наиболее ярко отображать менталитет в языке способны именно этностереотипы, под которыми Л.П. Крысин понимает типичные представления большинства людей одной этнокультуры о людях своего или другого этноса, причем данные представления могут быть схематизированы и эмоционально окрашены. В языке это проявляется в различных стереотипных формулах и выражениях, в словосочетаниях и фразеологизмах, в пословицах и поговорках, а также в синтаксических конструкциях [Крысин 2006: 103].

По мнению В.А. Масловой, этностереотипы помогают опознавать «своих», являясь стержнем культуры и опорой для личности в диалогах с другими культурами [Маслова 2001: 110]. Стереотип, будучи явлением социальным, в то же время находит отражение в сознании каждого отдельно взятого носителя языка и влияет на всех участников коммуникации.

Различают автостереотипы – представления этноса либо человека как типичного представителя этноса о самом себе, и гетеростереотипы – представления о других, «чужих» этносах. Стереотипы могут проявляться как в виде объекта с описанием его свойств, так и в виде фрейма с развитием событий и участниками [Сироткина 2009: 50].

Т.Б. Радбиль в своих исследованиях говорит о речеповеденческих стереотипах, под которыми понимает общие принципы выбора той или иной тактики поведения, способные оформляться в комплексную единицу с вербальными, аксиологическими, концептуальными характеристиками. Более того, любые стереотипы можно считать национальными, потому что в их основе всегда лежит идеальное представление о том, как следует вести себя в мире и как оценивать окружающую действительность. Представление может быть сформировано как мифологическими, так и религиозными моделями в

далеком прошлом, но сохранять свою актуальность и в настоящее время [Радбиль 2013: 303].

Таким образом, этнокультурный менталитет находит свое отражение в языковой системе, что становится основанием для образования различных ментальных репрезентаций, среди которых наиболее частотными можно считать культурно-ценностные установки нации, прецедентные феномены, этнокультурные концепты, фреймы, этнокультурные стереотипы.

§ 4. Ментальная установка как составляющая дискурса Победы

Вся совокупность выраженных в языке ментальных репрезентаций представляет собой так называемую ментальную установку, которую зачастую используют журналисты и блогеры в рамках публицистического и политического дискурса с целью расширения своей читательской аудитории путем акцентирования внимания на глубинных чувствах и ценностных ориентирах.

В рамках заданной тенденции осмысления языка как антропоцентрического феномена дискурс выступает как объект междисциплинарных исследований: когнитивных, социолингвистических, психолингвистических, лингвокультурологических и др. Мы опираемся на точку зрения Н.Н. Семененко, которая понимает под дискурсом «сложно структурированную область реализации мировоззренческих позиций, ценностных ориентиров, стереотипных установок и оценочных категорий, формирующих отдельный пласт национальной картины мира в соответствии с синергетическими условиями культуры и стереотипно-речевыми функциями языка» [Семененко 2015: 90].

Действительно, мировоззренческие позиции, ценностные ориентиры и стереотипные установки как неотъемлемые части национальной картины мира способны актуализироваться в речепорождающей среде в том случае, когда возникает особая ментальная установка. Более того, по мнению

Ю.С. Степанова, дискурс есть «особое использование языка для выражения особой ментальности» [Степанов 1995: 38].

Наиболее ярким примером, подтверждающим данное умозаключение, можно считать дискурс Победы, который мы исследуем на материале информационно-аналитической интернет-публицистики и под которым понимается коммуникативно-речевое пространство, актуализируемое средствами массовой информации в момент празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Создание персуазивного эффекта и усиление ценностного фактора дискурса Победы осуществляется на основе использования авторами языковых средств, смысловая реализация которых способствует выражению тех или иных ментальных установок. Расширение традиционной «газетной» публицистики до современной интернет-среды создает новый тип коммуникации, в котором личностное начало пишущего материал и читающего его приобретает новые оттенки и значения, что, в свою очередь, создает поле для ускоренного смыслообразования и расширения дискурсивного потенциала тех или иных тематических областей [Семененко 2015: 91].

Таким образом, важнейшим языковым параметром дискурса Победы выступает ментальная установка, представленная теми или иными ментальными репрезентациями, которые, являясь базовыми ценностными ориентирами, наделяются новыми смыслами и оценками, попадая в поле различных дискурсивных пересечений.

Исходя из анализа теоретической научной литературы, можно прийти к выводу, что исследование понятия менталитета начинается еще в ранних психологических работах, закрепляясь в дальнейшем в трудах французских ученых, которые впервые обращают внимание на связь менталитета и мышления.

Изучение данного явления через призму языка позволяет судить об исторической трансформации культуры, поскольку именно менталитет

образует фундамент той или иной национальной культурной среды и является способом познания мира.

Процесс «вторичной перекодировки» картины мира с помощью языковых средств принято называть ментальностью, которая является лингвистической категорией и складывается в результате взаимодействия культурного, исторического и лингвоисторического опыта в процессе познания действительности. Ментальность является одной из составляющих частей языковой картины мира, описываемой учеными как совокупность представлений о мире, заключенных в значении языковых единиц. Язык, реализуя ментальность его носителей, является, в свою очередь, инструментом сознания. В таком случае языковое сознание понимается как способ интерпретации мира, выраженный в категориях родного языка и присущий определенному сообществу.

Среди видового многообразия особого внимания заслуживает этнокультурный менталитет, который репрезентирует собственную этноспецифическую картину мира, складывающуюся на базе культурных ценностей и традиций. Этнокультурный менталитет имеет устойчивый характер, включающий в себя стереотипные представления, нормы поведения, традиции, привычки, систему ценностей и оценок, что позволяет отличать его от идеологий.

Этнокультурный менталитет находится в неразрывной связи с понятием культура, поскольку этническое разнообразие обуславливают не физические и материальные особенности, а культурные различия. Познание и освоение окружающей действительности в культурном, символическом и языковом планах не является одинаковым для всех этносов, хотя может строиться по сходным моделям. В связи с этим, разнообразие этнокультурных менталитетов обусловлено культурными различиями, закрепляющимися в языке в результате кодирования культурно-исторического опыта народа, вершиной которого становится этническое сознание. Сущность этнического сознания заключается в осознании

собственной принадлежности к этносу, а также в отношении к другим национальностям.

В современной лингвистике нет единой концепции того, каким образом этнокультурный менталитет находит свое выражение в языке. Обладая одним понятийным аппаратом, ученые зачастую вкладывают собственный смысл в данные понятия в зависимости от того, в рамках какой дисциплины и лингвистической школы проводят исследовательскую деятельность, а также разрабатывают теории по выражению менталитета.

В процессе теоретического изучения вопроса на основе исследований известных ученых-лингвистов мы выявили наиболее значимые ментальные репрезентации в языке, среди которых такие, как культурно-ценностные установки нации, прецедентные феномены, этнокультурные концепты, фреймы, этнокультурные стереотипы.

Так, выявление культурно-ценностных установок невозможно без обращения к работам русских философов. Когда выявленная философами та или иная установка получает свое воплощение в языковой форме (что чаще всего проявляется в семантике отдельных слов либо в семантике высказывания с учетом всего контекста, куда входят также экстралингвистические параметры), появляются основания говорить о степени важности и закреплённости установки в этнокультурном сознании.

Прецедентные феномены представляют собой хорошо известные всем представителям культурного сообщества вербальные и невербальные объекты, употребление которых периодически возобновляется в дискурсе. Прецедентные феномены кодируют, хранят и воспроизводят в нужное время важную для культуры этноса информацию.

Этнокультурные концепты можно рассматривать в качестве основной «ячейки» хранения наиболее важных знаний в каждой этнической языковой картине мира. Главным смысловым пластом концепта является коннотативная семантика, которая актуализирует не только когнитивные (образные, мифические, обыденные) структуры, но также и эмоциональные

переживания. Лингвокультурная значимость концепта выражается в том, что на понятие через языковой знак наслаиваются ассоциации, образы, знания, вследствие чего язык становится не просто знаковой системой, а одним из способов репрезентации культуры.

Фреймы представляют собой когнитивное образование, способное отражать целую ситуацию либо сцену со всем многообразием узлов и отношений. В основе структуры фреймов находятся слоты, в качестве которых могут выступать концепты, находящиеся в иерархических отношениях друг к другу. Фреймы являются значимой ментальной репрезентацией, поскольку отражают особенности организации знаний о действительности и опыта взаимодействия с ней.

Под этнокультурными стереотипами понимают типичные представления большинства людей одной этнокультуры о людях своего или другого этноса, причем данные представления могут быть схематизированы и эмоционально окрашены. В языке это проявляется в различных стереотипных формулах и выражениях, в словосочетаниях и фразеологизмах, в пословицах и поговорках, а также в синтаксических конструкциях.

Вся совокупность выраженных в языке ментальных репрезентаций представляет собой ментальную установку, которая является важным языковым параметром дискурса Победы.

Глава II. ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОПИСАНИЯ

§ 1. К проблеме определения понятия дискурса

Господствующая на современном этапе развития науки антропоцентрическая парадигма ставит главным объектом исследования в гуманитарных областях проблему дискурса. Однако однозначного определения данного понятия в настоящее время не существует в связи с

многообразием подходов к изучению: дискурс рассматривается в рамках таких наук, как социология, философия, этнография, литературоведение, антропология, теория коммуникации, психология, лингвистика. Вместе с тем, понятие дискурса, как и понятие концепта, служит неким стержневым компонентом, объединяющим вокруг себя множество научных направлений и точек зрения, что служит основанием для активного формирования новой научной отрасли – дискурсологии. [Данилова 2015: 345].

Первые попытки определения дискурса относятся к XIX веку, поскольку во французском языке слово *discourse* означало речь в диалоге. Позднее термин становится многозначным и уже в немецком словаре появляются такие определения дискурса, как беседа, диалог (1) и лекция, речь (2). Отождествляется дискурс и диалог также в англоамериканской лингвистике, направленной на изучение связной речи. Развитие лингвистической научной мысли данного периода характеризуется переходом от логико-грамматического подхода исследования к психологическому, когда анализ отдельных предложений текста сменяется интересом к рассмотрению языка как средства коммуникации, которое реализует человеческую деятельность через текст [Хурматуллин 2009: 31]. По мнению Э. Бенвениста, «дискурс не является простой суммой фраз, при его рождении происходит разрыв с грамматическим строем языка» [Гийому 1999: 124]. Зародившись в рамках лингвистики текста, дискурс изначально понимается как синоним слова текст, но постепенно расширяет свои характеристики, что приводит к разграничению данных понятий [Хурматуллин 2009: 31].

Постепенно текст начинает рассматриваться как часть дискурса, а дискурс, в свою очередь, позиционируется как совокупность текстов с общими признаками [Хомутова 2014: 15]. Т.А. ван Дейк считает дискурсом текст, помещенный в контекст [ван Дейк 1990: 165]. В свою очередь, С.А. Хахалова выделяет параметры текста и дискурса. Так, текст обязательно носит письменный характер, обладает завершенностью, имеет название,

целенаправленность, а также грамматическую, лексическую и стилистическую связь. Дискурс, напротив, характеризуется виртуальностью; нелинейностью, поскольку развивается в пространстве мыслительной деятельности и относится к сознанию; может иметь подвижный состав коммуникантов; обладает фрактальностью, то есть способностью к расширению до гипертемы и сужению до подтемы. Дискурс может объединять множество текстов в рамках одной темы, которые ученые рассматривают в качестве фрагментов дискурса [Хахалова 2011: 299].

С середины 70-х гг. XX века развивается новый взгляд на концепцию дискурса в работах французского философа и социолога Мишеля Фуко, автора книги «Археология знания», который рассматривает всю совокупность человеческих знаний в рамках «дискурсивных практик». М. Фуко считает, что дискурс не состоит из совокупности знаков и сиюминутной коммуникативной ситуации, а имеет исторический фон, влияющий на понимание и восприятие тех или иных событий: «Дискурс – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [Фуко 1996: 52]. Поэтому целью анализа дискурса становится определение его исторического места и объяснение причин появления тех или иных высказываний, идей, текстов. Дискурс, по М. Фуко, имеет определенное управление над возникновением высказываний и их содержанием, поскольку включает в себя, помимо речевых, экстралингвистические характеристики [Фуко 1996: 54].

Позднее мысли из исследований М. Фуко заимствуют немецкие лингвисты – У. Маас, Ю. Хабермас, рассматривающие дискурс преимущественно в русле литературоведения. Так, У. Маас говорит о том, что анализ текста с учетом идеологических, исторических, психологических особенностей и ориентаций можно приравнять к анализу дискурса, поскольку развитие языка неотделимо от социальных событий и господствующих в обществе настроений. В данном ракурсе выполнена

работа швейцарского лингвиста П. Серио «Анализ советского политического дискурса», в которой автор доказывает наличие типичных языковых конструкций в качестве главной особенности политического дискурса СССР [Чернявская 2006: 72].

Проблему взаимосвязи идеологии и дискурса продолжают исследовать другие ученые из французской лингвистической школы – М. Пеше, Ж. Лакан. Отмечается, что слова могут получать новые семантические наполнения в зависимости от того, кто и в какой социально-исторической обстановке их произносит, также особое внимание уделяется изучению листовок, лозунгов, проповедей [Хурматуллин 2009: 34].

С середины 90-х гг. XX века понятие дискурса выходит за рамки лингвистики и «расширяется до границ ментального мира» [Хахалова 2011: 298]. Отечественный лингвист Ю.С. Степанов отмечает, что различные цели использования языка требуют отбора определенной лексики, семантики, правил грамматики, в результате чего образуется своеобразный мир, поэтому «дискурс – это особое использование языка для выражения особой ментальности, особой идеологии» [Степанов 1995: 39]. Ученый рассматривает дискурс с лингво-философских позиций, позиционируя его как «язык в языке» [там же 1995: 40].

На современном этапе развития отечественной лингвистики также существуют различные подходы к дискурсу, в рамках которых развиваются свои определения и изучаются отличительные черты исследуемой категории.

Например, В.В. Красных рассматривает дискурс в узком и широком пониманиях. При узкой трактовке дискурс выступает как обмен репликами в повседневной речевой деятельности без какого-либо глобального замысла. При широком подходе дискурс, напротив, выступает в качестве системы коммуникации либо речевых возможностей авторитетной языковой личности [Красных 2001: 200].

Е.С. Кубрякова понимает под дискурсом форму общения людей, как индивидуальную, при непосредственном контакте, так и дистанционную, при

которой один оратор обращается к аудитории. Большое внимание при этом следует уделять характеристикам говорящих и слушающих: их ролям непосредственно в дискурсе, а также полу, возрасту, статусному положению [Кубрякова 2004: 520].

В свою очередь, Б.М. Гаспаров при исследовании дискурса считает необходимым учитывать особенности менталитета и модели поведения. По его мнению, лингвистической ценностью обладают как произведения авторитетных языковых личностей, так и мимолетные реплики, поскольку в данном случае следует учитывать те стечения обстоятельств, которые повлияли на произнесение данной реплики: коммуникативные цели, отношения между говорящими, идеологическая обстановка эпохи или же черты определенных личностей, а также различные ассоциации с прошлым жизненным опытом [Гаспаров 1996: 15]. Н.А. Болтнева, напротив, считает, что обращать внимание на идеологический фон следует эпизодически, в случае его решающей роли в том или ином диалоге. По ее мнению, дискурс имеет когнитивно-коммуникативный фундамент, на котором строится «вербализованная речемыслительная деятельность» [Болтнева 2015: 27].

В.Е. Чернявская говорит о том, что все существующие в настоящее время определения дискурса следует разделить на два основных подхода.

Согласно первому подходу, пространство дискурса так или иначе привязано к коммуникативным нормам, поскольку строится по моделям текстопорождения под воздействием ментальных и прагматических условий. Согласно второму подходу, который не противоречит первому, дискурс сам выступает в качестве коммуникативного пространства и служит базисом для взаимодействия различных типов текста, в результате чего формируются такие понятия, как политический, рекламный, медицинский, юридический дискурс, в том числе и дискурс Победы. Обобщая данные взаимодополняющие подходы, В.Е. Чернявская приходит к выводу, что дискурс представляет собой совокупность текстов, находящихся в неразрывной связи с контекстом, то есть с различными коммуникативными,

идеологическими, историческими, психологическими факторами, которые, в свою очередь, влияют на отбор и упорядоченность различных языковых единиц в тексте. «Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной формальной структуры – текста» [Чернявская 2006: 77]. Автор является сторонником немецкой и французской лингвистических школ в вопросах исследования дискурса, в которых данное понятие рассматривается «как языковое выражение определенной общественной практики, за которой стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность» [там же 2006: 78].

А.Н. Приходько считает дискурс лингвокультурным явлением, который целесообразно рассматривать с трех позиций: с точки зрения формы, содержания и функции. Именно среда общения создает фон для образования и коммуникативного устройства дискурса, на основе которого строится тот или иной стиль общения. Поэтому дискурс, по мнению ученого, представляет собой коммуникативное образование с когнитивными характеристиками, в котором взаимодействует три главных фактора общения: среда, режим и стиль. В свою очередь, среда общения неразрывно связана с местом и временем, на что оказывают влияние и степень культурного развития общества, и географическое положение, в связи с чем выделяются дискурсы профессиональные, субкультурные, бытовые, виртуальные и другие. Режим общения зависит от степени вежливости, доброжелательности, официальности, искренности разговора, что дает основания выделять дискурсы конфликтные, демократические, тоталитарные, авторитарные и другие. Стиль общения выступает важным формообразующим фактором, поскольку заключается в совокупности приемов, черт, конструирующих дискурсивную модель мира. Также большое влияние на развитие дискурса оказывает социальная и культурная активность всех субъектов дискурсивного процесса [Приходько 2013: 199].

В данном исследовании мы опираемся на точку зрения Н.Ф. Алефиренко, по мнению которого дискурс является

лингвокультурологической категорией, что доказывается с помощью семиологического анализа слова, ведь «разные «дискурсивные идеологии» порождают разные аксиологические коннотации, в результате чего в семантике слова развиваются специфические культурно мотивированные семы» [Алефиренко 2010: 137]. Кроме того, дискурс целесообразно рассматривать как явление когнитивно-коммуникативное, состоящее не только из текстов, но и из экстралингвистических факторов, которые помогают воспринимать и понимать информацию и среди которых можно особенно выделить ценностные ориентации, аксиологические оценки, мнения и знания о мире. Связь лингвокультурологии и когнитологии при исследовании дискурса обусловлена наличием «ценностно-смысловых отношений между концептуальными элементами дискурса» [там же 2010: 68]. Как правило, дискурс образуется вокруг какого-либо общего понятия, перерастающего впоследствии в полноценный контекст с информацией о субъектах, объектах, координатах, обстоятельствах и событиях.

Отмечается, что дискурс имеет план выражения и план содержания. Так, ключевые концепты со своим смысловым наполнением способны находиться в центре всего коммуникативного события и являться, таким образом, планом выражения дискурса, который может перестраиваться и преобразовываться. План содержания, состоящий из семантической и прагматической структур дискурса, способен менять свои образные характеристики в зависимости от появления новых концептов. В связи с этим, зачастую «смысловое содержание означаемого знака не вытекает непосредственно из линейно организованного смысла означающего» [Алефиренко 2010: 86].

Также в современной лингвистике является актуальным вопрос о типологии дискурса, поскольку решается он неоднозначно в связи различиями в трактовках самого понятия.

Так, В.И. Карасик делит дискурс на два вида – персональный, ориентированный на индивидуально-личностные отношения, например,

дружеские и бытовые разговоры; и институциональный, представляющий общение в каких-либо статусно-ролевых формах [Карасик 2000: 11]. В свою очередь, Е.В. Михайлова выделяет в институциональном дискурсе подвиды на основании рассмотрения сфер общения и количества участников коммуникативного события, куда входят дискурсы научный, политический, деловой и другие [Михайлова 1999: 8].

Т.Н. Хомутова делит дискурсы, исходя из прагмалингвистической мотивировки. Например, по географическому критерию она выделяет дискурсы региональные, глобальные, европейские, и другие. По целевому критерию дискурсы бывают специальные, учебные, популярные. По цели общения существуют педагогические, политические, публицистические, научные, религиозные и другие дискурсы. По каналу связи автор делит дискурсы на виртуальные и письменные, актуальные и устные, смешанные и мультимедийные, куда входят телевизионные, интернет-дискурсы и другие [Хомутова 2014: 17]. Особого внимания заслуживает рассмотрение интернет-дискурса, поскольку основная часть современного общения осуществляется с помощью средств электронной коммуникации.

Таким образом, для определения и рассмотрения дискурса не существует строгих объектных и дисциплинарных ограничений.

1.1. Интернет-дискурс как речепорождающая среда современной коммуникации

В последние десятилетия наблюдаются изменения в развитии и сущностных характеристиках коммуникационного процесса, на который большое влияние оказывает явление глобализации и активно развивающаяся научно-техническая революция. Появляются новые черты коммуникации, среди которых можно выделить виртуальность, открытость, стирание границ между автором и получателем, ценность информации [Кротова 2010: 54]. Наиболее популярной средой коммуникации и массовым источником информации на современном этапе можно считать Интернет, появление

которого во второй половине XX века способствовало образованию нового коммуникативного способа передачи и хранения данных, а также формированию новой среды для функционирования языка, в связи с чем одной из актуальных проблем лингвистики является изучение языковых изменений и особенностей протекания коммуникации в сети Интернет. А.А. Баркович рассматривает Интернет как инструмент организации всех данных, функционирующих во Всемирной паутине [Баркович 2015: 18].

Большое внимание уделяется также исследованию коммуникативно-прагматических специфических черт интернет-дискурса, поскольку его быстрая распространенность и не изученность вызвали различные точки зрения как на само понятие, так и на те изменения, которые вносит Интернет в жизненные процессы. Прежде всего, существуют различные номинации рассматриваемого объекта: «виртуальный дискурс», «компьютерный дискурс», «компьютерно-опосредованное общение», «электронная коммуникация» и другие [Федорова 2014: 330].

Так, Е.К. Русанов считает, что интернет-дискурс представляет собой лингвистическую категорию, совмещающую признаки статусно-ориентированного и лично-ориентированного дискурсов, но не отождествляется ни с одним из них в отдельности [Русанов 2016: 215]. Из-за того, что Интернет имеет бесконечные параметры, любой участник может создавать индивидуальный стиль общения, формировать собственный дискурс, превращаться в писателя, оставаясь читателем. Более того, Интернет становится средой, в которой находят место абсолютно все сферы общественной деятельности: политическая, научная, бытовая, деловая, образовательная, литературная, религиозная, производственная, этническая, личная, «сфера массовой коммуникации» [Зайнуллина 2012: 493].

И.Н. Загоруйко рассматривает интернет-дискурс как процесс образования текста с учетом социологических, культурных, прагматических, психологических факторов, как социальное явление, направленное на организацию взаимодействия людей [Загоруйко 2012: 59].

В трактовке Е.Н. Галичкиной интернет-дискурс определяется как созданное искусственным образом пространство коммуникации с дистантным общением, в котором реализуется вся совокупность текстов. Главной характеристикой подобного виртуального пространства становится стирание практически любых границ: национальных, культурных, политических, государственных [Галичкина 2004: 57]. Т.Ю. Виноградова добавляет, что при рассмотрении интернет-дискурса следует обращать внимание на особенности общения посредством Интернет и «причины обращения к Интернету как инструменту общения» [Виноградова 2004: 65].

Более полное определение интернет-дискурсу дает в своей диссертационной работе М.С. Рыжков, который считает, что данное понятие представляет собой когнитивно-коммуникативное образование в компьютерно-опосредованной реальности, в котором с помощью технических средств сети Интернет осуществляется быстрый переход от одного электронного текста к другому посредством механизмов гиперссылочного аппарата [Рыжков 2010: 44]. Также автор классифицирует участников интернет-дискурса: по количеству они могут делиться на несколько человек, на малую или большую группу либо на массовую коммуникацию; по способности быстроты переключения с одних тем на другие участники делятся на мобильные и ригидные; по способности достижения коммуникативных целей можно выделить успешных, переменных успешных и неуспешных участников; по степени заинтересованности в коммуникации участники бывают актуальные и случайные; по способности к взаимодействию – агрессивные, манипуляторские, нейтральные, пассивные, умеренно-позитивные, позитивные; по степени известности – знакомые, малознакомые, незнакомые; по способности вести диалог с самим собой в интернет-дискурсе, рассуждая над чем-либо или анализируя что-либо – рефлексивные и нерефлексивные; по степени известности участники бывают авторитетные, маргинальные и неавторитетные [Рыжков 2010: 135].

Е.В. Горина характеризует интернет-дискурс сквозь призму конституирующих доминант. Так, отражают непосредственную природу дискурса в Глобальной Сети внутренние доминанты, среди которых следует отметить интерактивность, вариативность и когнитивность. Показывают связь интернет-дискурса с действительностью доминанты внешние – социологичность и психологичность. Исходя из совокупности данных доминант, можно построить модель исследуемого объекта, которая отражает различные свойства развивающихся в нем явлений: прагматические, манипулятивные, содержательные, лингвистические, коммуникативные, экстралингвистические и другие. Более того, по мнению автора, вся структура интернет-дискурса состоит из большого количества субдискурсов, которые выступают в качестве самостоятельных компонентов, когнитивных пространств с собственной совокупностью знаков и текстов определенной тематики. Каждый отдельный субдискурс, в свою очередь, может быть охарактеризован самостоятельно по различным параметрам [Горина 2015: 9].

Черты интернет-дискурса рассматривает также П.В. Шкапенко, среди которых можно выделить такие, как: опосредованность, поскольку общение происходит с помощью электронного канала передачи данных; виртуальность, так как в данном случае люди общаются в среде символов и также взаимодействуют посредством этой среды; дистантность, то есть отсутствие тактильного и визуального контакта между участниками коммуникации; гипертекстуальность, когда тексты приобретают форму информационных узлов и способность задавать различные ассоциативные связи [Шкапенко 2008: 25].

Изучение понятия гипертекста и особенностей гипертекстуальности интернет-дискурса приобретает самостоятельное направление в современной лингвистике, поскольку гипертекст является одной из главных форм существования и функционирования текста в Интернете. С.С. Субботенко выделяет следующие черты гипертекста: нелинейность, поскольку перемещение в пространстве текста не ограничивается одной плоскостью;

интерактивность, что проявляется в самостоятельном читательском выборе пути, который формируется индивидуально в процессе понимания гипертекста; разнородность – непосредственно разные толкования и понимания; бесконечность, так как понятие о границах гипертекста носит субъективный характер; фрагментарность, ведь информация представлена в виде звеньев, поэтому чтение гипертекста можно начать с любого звена. Функционирование гипертекстуальности осуществляется с помощью гиперссылок, или ключевых слов, призванных натолкнуть читателя на те или иные семантические либо ассоциативные связи [Субботенко 2010: 25].

Многие ученые единодушно сходятся в том, что интернет-дискурс является жанропорождающей средой. Например, И.Г. Сидорова выделяет информационные жанры компьютерно-опосредованной коммуникации, куда входят поисковые системы, новостные веб-страницы, электронные библиотеки, сетевые средства массовой информации, каталоги; социальные жанры представлены электронной почтой, социальными сетями и чатами; к директивным жанрам относятся сайты с объявлениями, интернет-магазины; в развлекательные жанры входят сетевые игры и различные виртуальные миры; эстетические жанры предназначены для развития творческих способностей, например, сетевой роман [Сидорова 2014: 49]. Подобную классификацию жанров нельзя назвать исчерпывающей, поскольку она не может в полной мере отразить всю специфику Интернет-пространства. В связи с этим Л.Ю. Иванов разрабатывает собственный подход к типологии жанров интернет-дискурса. По его мнению, жанры следует делить на непосредственно сетевые, то есть образованные и функционирующие только в Сети, куда входят чаты и различные дискуссионные группы, и жанры, которые заимствованы из других сфер коммуникации, например, аннотации к научным статьям и другие [Иванов 2000: 37].

Рассматривая данную категорию, следует остановиться также на вопросе соотношения понятий интернет-дискурса и идеологии, поскольку в пространстве Интернета могут не только образовываться новые идейные

течения, но и менять свои значения уже сформированные смысловые категории. Е.В. Двойнина считает, что в Сети такими воздействующими свойствами обладают тексты массовой информации, включающие в себя совокупность как письменных, так и устных текстов из газет, журналов, видеотрансляций, Интернет-сайтов. Главной целью любого текста в Интернете становится не просто объективная передача содержания, но, прежде всего, побуждение к определенным эмоциям, чувствам, поступкам, мнениям [Двойнина 2010: 23]. Тексты массовой информации являются, в свою очередь, частью публицистического дискурса, который приобретает новые черты и особенности в процессе функционирования в пространстве Интернет и который требует отдельного теоретического рассмотрения.

Таким образом, можно определить, что интернет-дискурс на современной этапе развития науки имеет весьма многогранные и неоднозначные определения, что позволяет характеризовать его как уникальное явление в дискурсологии. Главные особенности данного понятия заключаются не только в многочисленных жанровых и стилистических разнообразиях, но и в особых коммуникативных чертах среды его существования.

1.2. Особенности публицистического дискурса в пространстве Глобальной Сети

На современном этапе развития лингвистики понятие публицистики рассматривается с разных сторон: как один из способов общественной деятельности, как род творчества с воздействующей функцией, как особый способ изображения, как род журналистики. Наиболее известным и приемлемым является определение, в котором публицистика понимается как тип высказывания, главной характеристикой которого выступает прямая передача мысли автором [Каминский 2007: 97]. В свою очередь, развитие дискурсологии дает основание многим ученым говорить о возникновении и развитии публицистического дискурса, который уходит корнями в риторику

и направлен, прежде всего, на достижение какой-либо убеждающей цели. Публицистичность как свойство мышления может быть элементом других дискурсов, чаще всего политического и патриотического, поскольку стремится описать действительность: проникнуть в сущность общественных явлений и политики, актуализировать, поддержать либо опровергнуть ту или иную идеологию [Каминский 2007: 101].

Отмечается, что тексты массовой информации всегда идеологически обусловлены, поскольку использование языковых знаков для отражения реальности в то же время выражает различные мировоззренческие установки автора либо группы с определенным набором ценностей [Закиева 2016: 69]. Так, Д.С. Мартьянов выделяет две главные оппозиционные идеологии в виртуальных средствах массовой информации – правая и левая. Правая идеология распространяет традиционные аспекты различных общественных дискурсов. Левая идеология, напротив, стремится к полному обособлению от влияния государственной власти и пропагандирует свободное выражение мнений [Мартьянов 2013: 79].

Главным стилеобразующим компонентом публицистического текста является категория оценки, с помощью которой может формироваться устойчивое мнение о чем-либо [Закиева 2016: 69]. Оценка, как правило, создается посредством определенного набора стилистических, композиционных, лексических, грамматических, синтаксических средств. В том случае, если оценка выражена косвенно, то ее выявление «требуется интерпретационных усилий со стороны адресата» [Сальникова 2010: 12]. Так как публицистический дискурс ставит своей целью формирование и внедрение определенных ценностей, то оценка приобретает свойство модификации, когда автор текста может корректировать созданный образ, добавляя изменения в оценочный компонент с помощью использования определенных дискурсивных стратегий и тактик, с учетом темы дискурсивного разговора, количества участников, отношения между ними,

состояния экстралингвистических факторов и всего контекста коммуникации [Руденко 2012: 14].

Активное функционирование публицистического дискурса в Глобальной Сети не является предпосылкой полного разрыва с традиционными канонами журналистики. Так, Е.В. Горина указывает на общие свойства печатных изданий и интернет-СМИ: в обоих случаях используются одни и те же методы отбора информации, стиль повествования, учет различных точек зрения, одна терминология; соблюдаются общие структурные характеристики, такие, как анонсное оповещение, расположение материала; используется один набор сведений; применяются заголовки как важный способ привлечения внимания читателей; остаются общими фундаментальные категории текста, например, связность, целостность, завершенность [Горина 2009: 57-59].

Тем не менее, публицистический дискурс приобретает в пространстве Глобальной Сети новые признаки, среди которых можно выделить многоканальность, гипертекстуальность, интерактивность, креализованность, диалогичность как «форма первичного разговорно-делового институционального многоцелевого диалога» [Ковригина 2010: 20]. Е.А. Воробьева отмечает, что интернет-СМИ предоставляют гражданам возможность выбора личных либо коллективных инициатив, помогающих привлекать внимание к существующим проблемам. Автор понимает под гражданскими инициативами, прежде всего, демонстрацию личной гражданской позиции, которая в публицистическом дискурсе может проявляться в выражении своих мнений на тот или иной вопрос [Воробьева 2010: 51]. По мнению Т.М. Закиевой, на современном этапе развития сетевых СМИ используется открытая пропаганда совместно «со скрытым манипулированием общественным сознанием» [Закиева 2016: 69].

А.Р. Сафина указывает на использование в интернет-изданиях текстовой модели «перевернутой пирамиды», когда главное смысловое наполнение, вывод новости указывается в заголовке либо в первом абзаце с

целью привлечения внимания читателя и экономии времени [Сафина 2013: 227]. Л.П. Шестеркина выделяет такие особенности, как использование упрощенного синтаксиса с целью облегчения восприятия, увеличение количества абзацев с одной идеей, пояснение непонятной лексики, указание на ключевые слова [Шестеркина 2013: 44]. Е.В. Горина говорит о зыбкой структуре текста в Интернете, связанной с постоянными обновлениями и дополнениями СМИ; особую функцию начинают выполнять заголовки, которые способны отсылать к новой странице либо выступать в качестве самостоятельного компонента [Горина 2009: 57].

Важным также является вопрос о жанровом делении интернет-СМИ. Отмечается, что черты традиционных жанров журналистики, таких, как статья, репортаж, очерк, можно найти и в сетевой публицистике. Наряду с этим наблюдается образование новых специфических жанров, к которым ученые относят заметку, блицопрос, некролог, авторский блог, онлайн-репортаж, онлайн-конференции, авторские блоги, колумнистику [Сафина 2013: 228]. К недавно образовавшимся жанрам сетевого публицистического дискурса следует отнести информационно-аналитическую статью.

По мнению Т.М. Закиевой, информационно-аналитическая статья гораздо шире обычных информирующих сообщений. Главной особенностью нового жанра становится наличие аналитической части, в которой могут быть показаны различные способы восприятия окружающей действительности, сделаны интерпретации одного и того же события в русле той или иной идеологической направленности, выявлены предполагаемые последствия дальнейшего развития событий. Анализ информационно-аналитических текстов может проходить на всех языковых уровнях: лексико-грамматическом, стилистическом, синтаксическом [Закиева 2016: 71].

А.И. Омуралиева отмечает, что информационно-аналитическая статья представляет читателю подробный обзор ситуации, одновременно ориентируя его на самостоятельные размышления, а тем или иным выводам

предшествует характеристика фактов и объяснение используемых аргументаций [Омуралиева 2014: 78].

Таким образом, публицистический дискурс, трансформируясь и видоизменяясь в Глобальной Сети, приобретает новые специфические признаки и черты, в том числе и в жанровой модификации.

§ 2. Лингвостилистические параметры дискурса интернет-СМИ

Ученые отмечают, что интерпретацию того или иного дискурса следует проводить «в русле традиционного стилистического анализа» [Чернявская 2006: 78], когда на собственно лингвистические характеристики текста накладываются экстралингвистические факторы: политические, культурные, психологические, социальные составляющие [там же 2006: 79]. Помимо текстуального анализа на различных языковых уровнях, целесообразно выполнять также контекстуальный анализ, в который входит определение времени, места, количества и роли участников, социальные отношения между участниками, их мнения и убеждения, а также характер события либо сфера деятельности. Важным моментом в контекстуальном анализе является определение сущности идеологий, в рамках которой стоят те или иные убеждения и которая способна контролировать знания, господствующие в группе единомышленников [Шапочкин 2013: 102].

М.Н. Кожина отмечает, что все стилистические черты публицистического дискурса, к которому относится исследуемый нами дискурс Победы, направлены на реализацию двух основных функций – информирования и воздействия. Функция воздействия реализуется через речевую выразительность, экспрессивность, доступность, использование разговорной и сленговой лексики, а также приемов и фигур речи; наблюдается отсылка к различного рода реалиям и аллюзиям; посредством определенного набора языковых средств осуществляется привязка к конкретной идее. Функция информирования предполагает объективность, сдержанность, официальность, чему способствует применение клише и

штампов [Кожина 1983: 189]. Рассмотрим данные стилистические характеристики публицистического дискурса подробнее.

Так, клише (или речевые стереотипы) представляют собой «трафаретные, повторяющиеся выражения» [Чернявская 2006: 53], которые способствуют ускорению понимания передаваемой информации и характеризуются закрепленностью семантического наполнения, устойчивостью, целостностью и воспроизводимостью [Беликова 2015: 319]. Речевые штампы, имея такие же характеристики, что и клише, отличаются стилистической и стилевой окрашенностью. Использование клише и штампов в публицистическом дискурсе свидетельствует об успешной интерпретации, помогает в процессе оценивания социальных событий и выступает важным способом «формирования стилевой доминанты публицистического стиля» [Новоженова 2012: 14]. Однако условия коммуникации способны корректировать роль клише и штампов, например, высокая частотность употребления данных доминант способствует стиранию образности. Происходит также нарочитая трансформация клише и штампов с целью усиления экспрессивности либо акцентирования внимания на оценочной составляющей дискурса [там же 2012: 15].

Немаловажную роль в языке СМИ играет экспрессивность, поскольку данное свойство наделяет языковые единицы способностью передавать субъективные отношения автора текста к тем или иным событиям и людям. Оценка, создаваемая с помощью экспрессивных средств языка, может быть насмешливой, ироничной, агрессивной [Згировская 2013: 164]. На фонетическом и лексическом уровнях экспрессивность может образовываться за счет использования обращений непосредственно к читателю, акцентирования внимания на тех или иных моментах, комментирования фактов, авторского уточнения либо выражения прямого авторского отношения к чему-либо, ответа на собственно поставленный вопрос, а также употребления в письменной речи оценочной и стилистически сниженной лексики. Словообразовательный уровень характеризуется

использованием авторских неологизмов, а также обращением к общезыковым и индивидуальным словообразовательным моделям, результатом чего становится явление языковой игры. На синтаксическом уровне экспрессивность может проявляться в обращении к малым синтаксическим конструкциям для усиления эмоционального накала, в использовании бессоюзия и многосоюзия, инверсии и парцелляции.

Употребление в публицистическом дискурсе сниженной лексики, куда входят диалектные, жаргонные, просторечные, обценные слова, оказывает непосредственное воздействие на читателя: облегчает восприятие текста, создает доверительную обстановку между адресатом и адресантом, тем самым «автор получает возможность дать читателю совет, иногда в категоричной форме» [Матяшевская 2015: 98]. Отмечается, что на современном этапе развития языка нормообразовательный центр перемещается из области художественной литературы в область СМИ, чему способствует расширение состава участников коммуникативных актов и демократизация литературной нормы как таковой, то есть сближение ее с разговорной средой [Скороходова 2009: 220].

Для публицистического стиля характерно также обращение к тем или иным реалиям, а также использование аллюзий как важной составляющей части интертекстуальности и как приема художественной выразительности, который способствует созданию определенного подтекста и актуализации в сознании различных ассоциативных связей. Использование аллюзий в текстах СМИ строится на определенном авторском замысле и характеризуется массовым характером, поэтому выбор той или иной аллюзии должен опираться на общеизвестность данной категории потенциальным читателям. Разновидностями аллюзий являются цитаты и прецедентные тексты, которые, с одной стороны, сохраняют в публицистических текстах свою первоначальную семантику, но, с другой, образуют добавочное контекстуально-смысловое поле [Онищенко 2010: 60]. Зачастую подобный прием используется в заголовках для привлечения внимания и вызова

ассоциаций. Так, в исследуемом нами дискурсе Победы можно встретить следующие заголовки информационно-аналитических статей: «*Хотят ли русские войну*» (На Линии, Мараховский, 23.03.2016); «*Сталинский вопрос, или Кто виноват в отмене Дня Победы на Украине и в Прибалтике*» (На Линии, Разуваев, 11.04.2016); «*Связанные одной лентой. Новая жизнь Дня Победы и современный национальный символ*» (Однако, Сорокин, 9.05.2016); «*Со слезами на глазах*» (Сноб, Петрухина, 9.05.2016); «*Миру – мир, войне – ...?*» (Сноб, Хаминский, 10.05.2016).

Использование в информационно-аналитических статьях художественно-выразительных средств способствует эмоциональному воздействию на стилистическом уровне. Например, обращение журналиста к метафоре дает возможность подавать сведения в том или ином ракурсе, вызывать в сознании определенный набор ассоциаций, а также, по мнению В.В. Виноградова, метафора может навязывать потенциальному адресату «субъективно-авторский взгляд на предмет и его смысловые связи» [Виноградов 1980: 35]. С помощью сравнений можно обращать внимание на какую-либо специфическую особенность события и воздействовать на восприятие и на формирование оценки. Эпитеты наводят читателя на определенные умозаключения и суждения. Ирония «является речевой стратегией, направленной на критику, а порой и дискредитацию кого- или чего-либо» [Ляпун 2009: 32].

Идеологизированность как важная стилистическая характеристика публицистического дискурса заключается в создании семантического поля «свои» путем использования местоимения первого лица множественного числа «мы», в указании на своих потенциальных читателей, в точном выдвигании критериев «своего» и «чужого», в поиске виновного, в использовании ярко выраженного контраста [Чернявская 2006: 53].

Таким образом, публицистический дискурс имеет стилистические особенности, которые могут трансформироваться в процессе изменений в обществе. Язык средств массовой информации способен, в свою очередь,

оказывать влияние на сознание читателей, поэтому требует постоянного изучения и анализа.

2.1. Функционально-стилистическая характеристика дискурса Победы

Дискурс Победы, который мы исследуем на материале информационно-аналитической интернет-публицистики, представляет собой коммуникативно-речевое пространство, актуализируемое средствами массовой информации в момент празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне [Семененко 2015: 91]. Дискурс Победы в связи с большим ракурсом распространения и широтой тематического охвата располагается на стыке публицистического, политического, патриотического дискурсов.

Выборка статей осуществлялась путем поиска ассоциативных ключевых слов и словосочетаний «Победа», «День Победы», «Великая Отечественная война», «ветераны», «память», «патриотизм», «великое событие», «Дети Войны», «праздник», «героизм», «воспоминания» на пяти ресурсах – на электронном информационно-аналитическом портале «Однако», который занимается также выпуском электронного альманаха с постоянно обновляемыми редакционными материалами; на российском ежедневном общественно-политическом интернет-издании «На Линии», который выполняет оперативный авторский анализ как мировых, так и государственных событий; на международном проекте «Сноб», позиционирующем себя как «дискуссионное, информационное и общественное пространство для людей, которые живут в разных странах, говорят на разных языках, но думают по-русски» [Сноб, О проекте]; на российском круглосуточном информационном телеканале «Дождь», на сайте которого осуществляется периодический выпуск информационно-аналитических статей и авторских колонок; на различных сайтах региональной интернет-публицистики с аналитическими признаками.

Данные ресурсы являются полярными по своей идеологической направленности: если «Однако», «На Линии» и региональная интернет-публицистика отстаивают консервативные ценности русской нации, то «Сноб» и «Дождь» являются изданиями более либеральными, поскольку все внутригосударственные события авторы рассматривают сквозь мировой контекст, обращая внимания на ценности, которые являются общими для неоднородной аудитории. Поиск тематических информационно-аналитических статей осуществлялся в пределах с 2011-ого по 2016-ый годы, так как именно на эти годы приходится подготовка к празднованию и непосредственно празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Как показал анализ отобранного материала, важнейшим языковым параметром дискурса Победы выступает ментальная установка, представленная теми или иными ментальными репрезентациями, которые, являясь базовыми ценностными ориентирами, наделяются новыми смыслами и оценками, попадая в поле различных дискурсивных пересечений.

Также языковыми параметрами дискурса Победы являются стилистические характеристики публицистического стиля, среди которых можно выделить наличие клише и штампов, экспрессивность, обращение к реалиям и аллюзиям, употребление разговорной и сниженной лексики, использование художественно-выразительных средств, наличие выраженной идеологизированности.

Исходя из анализа теоретической научной литературы, можно прийти к выводу, что проблема дискурса является господствующей на современном этапе развития гуманитарных наук, поэтому в связи с многообразием подходов к изучению в настоящее время нет однозначного определения данного понятия. На протяжении всего периода исследования рассматривались вопросы соотношения текста и дискурса (Т.Н. Хомутова, Т.А. ван Дейк, С.А. Хахалова), идеологии и дискурса (М. Пеше, Ж. Лакан, А.К. Хурматуллин), выводилась сущность дискурсивных практик (М. Фуко),

определялись характеристики дискурса и связь данного понятия с категорией ментальности (У. Маас, Ю. Хабермас, П. Серио, Ю.С. Степанов, В.В.Красных, Е.С. Кубрякова, Б.М. Гаспаров, Н.А. Болтнева, В.Е. Чернявская, А.Н. Приходько, Н.Ф. Алефиренко), определялась типология дискурса (В.И. Карасик, Е.В. Михайлова, Т.Н. Хомутова).

Одним из новых видов дискурса по каналу связи является интернет-дискурс, поскольку основная часть современного общения осуществляется с помощью средств электронной коммуникации. Интернет-дискурс рассматривается как лингвистическая категория (Е.К. Русанов), как процесс образования текста с учетом различных факторов (И.Н. Загоруйко), как искусственно созданное пространство коммуникации с дистантным общением (Е.Н. Галичкина), как когнитивно-коммуникативное образование в компьютерно-опосредованной реальности (М.С. Рыжков), как набор конституирующих доминант (Е.В. Горина). Интернет-дискурс в настоящее время имеет многогранные и неоднозначные определения, что позволяет характеризовать его как явление уникальное. Главные особенности данного понятия заключаются не только в многочисленных жанрах и стилистических разнообразиях, но и в особых коммуникативных чертах среды его существования.

Публицистический дискурс, трансформируясь и видоизменяясь в пространстве Глобальной Сети, приобретает новые специфические признаки и черты, среди которых выделяют многоканальность, гипертекстуальность, интерактивность, креализованность, диалогичность (Е.А. Ковригина), возможность выбора гражданских инициатив (Е.А. Воробьева), использование текстовой модели «перевернутой пирамиды» (А.Р. Сафина), возникновение новых жанров журналистики (А.Р. Сафина).

К недавно образовавшимся жанрам сетевого публицистического дискурса следует отнести информационно-аналитическую статью. Главной особенностью нового жанра является наличие аналитической части, в которой могут быть показаны различные способы восприятия окружающей

действительности, сделаны интерпретации одного и того же события в русле той или иной идеологической направленности, выявлены предполагаемые последствия дальнейшего развития событий.

Стилистические черты публицистического дискурса направлены на реализацию двух основных функций – информирования и воздействия. Функция воздействия реализуется через речевую выразительность, экспрессивность, доступность, использование разговорной и сленговой лексики, а также приемов и фигур речи; наблюдается отсылка к различного рода реалиям и аллюзиям; посредством определенного набора языковых средств осуществляется привязка к конкретной идее. Функция информирования предполагает объективность, сдержанность, официальность, чему способствует применение клише и штампов.

Дискурс Победы, исследуемый на материале информационно-аналитической интернет-публицистики, определяется как коммуникативно-речевое пространство, которое актуализируется средствами массовой информации в момент празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Главными языковыми параметрами дискурса Победы является ментальная установка и характерные стилистические черты публицистического стиля.

Глава III. ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСА ПОБЕДЫ В ЯЗЫКЕ

§ 1. Языковые средства выражения

ментальной установки в дискурсе Победы

Культурно-ценностные установки нации

1) духовность важнее утилитарности: *«Но случилось любопытное: общественность перестала на них реагировать. Массовая реакция исчезла даже на уровне «посмотрите, какие сволочи». Граждане Российской Федерации просто праздновали свой главный национальный день – не*

проявляя интереса к тому, что сектанты празднуют у себя за стенкой» (На Линии, Марахоский, 12.05.2016);

2) гражданственность как ценность: «В России, чтобы там ни говорили, за последние годы сформировалось полноценное гражданское общество. Оно проигнорировало «болотную революцию». Оно собрало десятки миллионов рублей на фильм о героях-панфиловцах и прошло по стране многомиллионным "бессмертным полком"» (На Линии, Лекух, 31.12.2015);

3) мученичество: «День Победы для нас, за исключением отдельных выродков, – праздник абсолютно бесспорный. И как день памяти о тех, кто величайшей ценой заплатил за эту Победу» (На Линии, Лекух, 9.05.2016);

4) ценности нации через призму чужих стереотипов: «В Великую Отечественную мы сами сжигали и взрывали свои города перед приходом немцев – как и Москву в 1812-м. К великой немецкой досаде и недоумению, не вмещавшимся в рамки немецкого рационализма. Русские варвары» (Однако, Куликов, 09.2013); «Крестьяне и вообще народ, но в первую очередь именно крестьяне, под новую «власть» не легли. Что захватчикам казалось нонсенсом. Ведь вроде бы, по европейскому разумению, какая вам, ребята, разница, кто хозяин? Оказалось, есть разница» (Однако, Куликов, 09.2013); «Есть такое дело – русские долго запрягают. То, что выглядит как кризис и сопровождается жертвами, на самом деле есть уникальный процесс коллективной русской самоорганизации, когда армия и народ вместе с руководством становятся одним целым. И интеллектуально, и нравственно. И тогда они побеждают там, где это кажется всем остальным европейцам просто невозможным» (Однако, Куликов, 09.2013);

5) уважение к прошлому: «Память наша, сберегшая события 1812 года как священные, прочно, скелетом вошла в народное сознание в 1941-м» (Однако, Куликов, 09.2013);

6) широта русской души: «Весь мир запускает спутники с помощью наших ракет-носителей, а до сих пор не ездит на «Ладах». Ответ оказался

простым – русским это неинтересно, им нужен масштаб, действия, потрясающие мир, а изящные соковыжималки пусть клепают корейцы с малазийцами» (Однако, Юхин, 12.09.2011);

7) самопожертвование: *«Предавший Родину разрушает стройную систему ценностей, в которых любовь к своей Отчизне, беззаветное служение своему народу, самопожертвование – одни из самых главных духовных ориентиров, без которых о принадлежности к русском и говорить невозможно»* (Однако, Юхин, 16.05.2012);

8) патриотизм: *«Русский – даже не национальность, это система ценностей, которые человек осознанно принимает, после чего собственно и становится русским – в процессе жизни и становления личности. Да, русским можно стать, родившись немцем или татаринном. И точно так же можно перестать быть русским даже рожденному на русской земле и в русскими же родителями. Для этого достаточно нарушить одну из базовых моральных норм русского человека, совершить непоправимый проступок. Например, предать Родину»* (Однако, Юхин, 16.05.2012);

9) единство: *«Победа в войне была возможна только благодаря интернациональному духу в обществе. Потому что с точки зрения национального эгоизма никакого смысла уральцу, сибиряку, узбеку или казаху оборонять с остервенением какую-то далекую Москву или Одессу нет никакого смысла»* (Однако, Уралов, 6.05.2016);

10) фатализм: *«Если сегодня в нашем представлении черно-оранжевая Георгиевская ленточка слилась с черно-оранжевой ленточкой Ордена Славы, – значит, так и надо. И это значит, что свою первую маленькую победу на фронте единства истории и национальной идентичности мы уже одержали»* (Однако, Сорокин, 9.05.2016);

11) Божественная помощь: *«Идеал нашей культуры, вершина нашего тысячелетнего опыта, его сумма и производная – это Победа. Ради этой Победы Бог расстарался и ниспослал на Землю миллионы и миллионы своих*

лучших созданий – бойцов и маршалов, медсестер и учителей, конструкторов и токарей» (Однако, Сорокин, 9.05.2015);

12) единство поколений, внимание к нюансам человеческих отношений: «9 мая – очень непростой день для всей Большой России. Мы поздравляем друг друга с праздником. Мы много улыбаемся в этот день. Мы – самая неулыбчивая нация в мире – в этот день мы улыбаемся за весь год. Потому что через нас проходит связь между теми, кто кричал, плясал, стрелял в воздух на ступеньках Рейхстага, и теми, кто сейчас визгом носится по детской площадке. Эта связь проходит прямо сквозь нас, и мы улыбаемся, смеемся и даже иногда носимся» (Однако, Носиков, 13.03.2015);

13) щедрость, патриотизм: «Русские щедрее душой, чем другие народы. На миру и смерть красна» – в этой поговорке основы нашего патриотизма. Владимир Путин в 4-х часовой прямой линии дал, среди прочего, понять о том, что думает об общенациональной идее и русской ментальности – несмотря на то, что большую часть времени посвятил не России, а Украине» (Дождь, Макеева, 17.04.2014).

Прецедентные феномены

1) «Узурпатор был вынужден съехать из Кремля» (Однако, Куликов, 09.2013);

2) «В начале войны оба раза у русских было плохо с управлением армией, с командованием. Кутузов принял армию 29 августа, Жуков – 10 октября. То есть уже осенью, в тяжелейшей ситуации» (Однако, Куликов, 09.2013);

3) «Потом параллельно с мифологизацией советской истории – появлением фильмов «Чапаев», картин о героях Гражданской войны, начали выходить фильмы «Александр Невский», «Кутузов», «Адмирал Ушаков», «Суворов» (Однако, Прилепин, 9.05.2015).

Этнокультурные концепты

В статье Егора Яковлева, опубликованной на сайте информационно-аналитического журнала «Однако», представлены ключевые для нашей этнокультуры концепты, как «Свобода», «Жизнь», «Память»,

«Благодарность», «Правда», «Время», «Родина», «родная кровь», «патриотизм»:

«Итак, пожалуйста. Адольф Гитлер: «Славяне должны работать на нас, а в случае, если они нам больше не нужны, пусть умирают. Прививки и охрана здоровья для них излишни. Славянская плодовитость нежелательна... образование опасно. Нужно управлять этим народом с железной решимостью... Говоря по-военному, мы должны убивать от трех до четырех миллионов русских в год». Это из письма автору «расовой теории» Альфреду Розенбергу. Написано в 1942 году, когда вермахт наступал и шансы фюрера на победу были еще высоки. Только одна цитата, но при желании из них можно составить пухленькую брошюру. Но и этой достаточно.

Вот от чего спасли нас наши деды и прадеды. И вальяжно рассуждать, правильно они это делали или нет, мы можем только потому, что благодаря им у нас есть на это время. Много времени – целая жизнь. Святая правда в том, что эти люди, умершие за Родину и «ради жизни на земле», не заслужили глумления над собой – ни в образе памятников, ни в каком другом. Но правда и в том, что это глумление заслужили мы – их ничтожные и неблагодарные потомки» (Однако, Яковлев, 22.06.2011).

Этнокультурные стереотипы

1) *«Русская армия всегда была народной по сути. И в этом смысле всеобщая воинская обязанность, которую еще называют повинностью, давала возможность всему дееспособному мужскому населению страны пройти через горнило государственной службы, стать частью большего – своего народа, общества и вылечить излишний индивидуализм, который в нынешнее время приобретает масштабы национальной катастрофы»* (Однако, Юхин, 12.09.2011);

2) *«Эти люди в свою очередь тоже расстарались и сделали главное орудие своей победы – Т-34. Безупречное по замыслу и исполнению, по эстетике и инженерии, по форме и содержанию произведение великой*

культуры. В этом шедевре – дух и культурный подвиг народов, испокон веку живущих на нашей – на своей! – земле.

Бесшабашность и неприхотливость русского первопроходца. Упрямство и основательность украинского крестьянина. Бездонная глубина кавказского многоголосия. Стремительность всадника азиатских степей. Невозмутимость и надёжность северного морехода. Плавная устремленность православных куполов. Простор и всеприимчивость души, рожденной нашей землей. Торжество отпущения и мгновенное снисхождение к поверженному» (Однако, Сорокин, 9.05.2015);

3) «Русские слишком ценят себя, чтобы вести захватнические войны. Или войны, выражаясь англосаксонским политическим языком, за «свои интересы»: у русских нет интереса воевать там, где нет «своих» и некого защищать. Русский же не захватчик и не колонизатор, что ему в таких местах делать» (На Линии, Мараховский, 23.03.2016);

4) «Победить в войне – это естественная задача любого государства. Для России это еще и безусловная историческая миссия, лежащая в основе культурного кода» (Однако, Куликов, 09.2013);

5) «Во все времена русские отважно и беззаветно защищали не только границы своей Родины, но и «братушек» разных национальностей, отдавая за них жизни. «Положить живот за ближнего своего» – это по-нашему, это по-русски» (Однако, Юхин, 12.09.2011).

Фреймы. При анализе дискурса Победы нами были выделены два главных фрейма-сценария – «Праздник» и «Антипраздник», включающие в себя слоты с амбивалентной оценочностью и зачастую противоположными смысловыми доминантами и концептами. Связано данное явление непосредственно с особенностями публицистического дискурса, в котором внедрение идеологии Победы в сознание носителей языка наталкивается на оппозиционное сопротивление, отчего внутри дискурса возникают как явления центробежные, которые его формируют, так и явления разрушающие, следствием чего становится активная публицистическая

дискуссия в крупных информационно-аналитических блогах и даже в региональных газетах. Главной особенностью подобной дискуссии становится то, что публицисты с оппозиционными точками зрения привлекают для своей доказательной базы те или иные ментальные установки, по-разному их интерпретируя и стараясь таким образом привлечь и расширить читательскую аудиторию. Рассмотрим выделенные фрейм-сценарии подробнее.

Фрейм-сценарий «Праздник» включает в себя следующие слоты:

1) слот «Возрождение памяти, самоопределение»: *«Как День переживался в советское время – легко понять из строчек знаменитой песни 1975 года про «праздник с сединою на висках». Это был день живых – тех, кто воевал. День Победы оставался таким до самого краха, до начала 90-х. В 1991-м ежегодный Парад Победы просто отменили. Несколько лет его не проводили вообще. В 2008 году вернулся во всей своей современной мощи военный парад на Красной Площади, с «тополями» и истребителями. В своём новом облике возвратившийся День Победы оказался, внезапно, без всякой седины на висках и без всякой ностальгии. Георгиевская ленточка стала знаком уже отнюдь не «исторической памяти», но и вполне сегодняшнего, актуального цивилизационного выбора. Из «праздника ветеранов» День превратился в день, который народ-победитель выбрал, чтобы праздновать себя»* (Однако, Мараховский, 28.04.2016);

2) слот «Гражданская инициатива», реализующий концепт «Память»: *«Им никогда не забыть, как закрутилось колесо войны, которое не щадило никого. И молодых, и пожилых оно беспощадно ломало через колено. И тех, кто выстоял, перешагнул смертельный рубеж, осталось немного. Всего 293 ветерана Великой Отечественной войны живет сегодня в Старооскольском городском округе. 20 марта в Центре культуры и искусств стартовал молодежный благотворительный марафон «Спасибо за победу», посвященный 70-летию победы в Великой Отечественной*

войне. Направлена акция на то, чтобы свести на нет хозяйственно-бытовые, коммунальные, ремонтные и прочие проблемы ветеранов в срок до 9 мая 2015 года» (Новости Оскола, Городникова, 26.03.2015); «В преддверии самого дорогого для многих праздника – Дня Победы «Алтайка» начинает серию публикаций о педагогах края, ушедших от школьного порога на фронт. Начиная эту акцию, мы не подозревали, во что она выльется – количество ее героев исчисляется уже сотнями человек. В нескольких районах профильными комитетами, музеями даже выпущены книги, рассказывающие об учителях-фронтовиках. Если издавать книгу общую, краевую, то, пожалуй, одним томом не обойтись... Они учили детей не только своему предмету. Примером могли служить сами их жизни, их подвиги» (Алтайская правда, 13.04.2016);

3) слот «Бессмертный полк», репрезентирующий такие концепты, как «Единство», «Дом», а также концептуальную дихотомию «Свое-Чужое»: «12 миллионов «Бессмертного полка» с рядовым Путиным В.В. в первом ряду – это вот что. Это народ России, очнувшийся и обнаруживший себя в единой истории и единой культуре собственной страны. И сказавший: «Это – мое». Это народ России, который долго возвращался-карабкался домой из трясины катастрофы и деградации, вцепившись в Победу как в последний стальной канат своей идентичности, ухватившись за георгиевские ленточки и красноармейские звездочки как за опознавательный знак «свой-чужой», взбодрившись прошлогодним «крымнашем», похмелившись продолжающейся Украиной и пугалками из шенгенской зоны» (Однако, Сорокин, 12.05.2015); концепт «Самоопределение»: «В прошлом году «Бессмертный полк» окончательно превратил День Победы из дня угасающих воспоминаний о прошлом в день национального и, даже более того, цивилизационного самоопределения» (Однако, Сорокин, 9.05.2016); концепт «Память»: «Главный прокурор Крыма Наталья Поклонская вместе со своими сотрудниками утром 9 мая приняла участие в акции «Бессмертный полк» в

Симферополе, пишет газета «Комсомольская правда». На акцию Поклонская принесла икону российского царя Николая II, причисленного православной церковью к лику святых. Подробнее она объяснила свой поступок ТАССу: «В прошлом году, когда мы накануне Дня Победы посещали ветеранов, один из них рассказал мне историю. Они с товарищем попали в передрагу, и ему было видение царя Николая Александровича, который помог ему спастись. И ветеран просил меня, чтобы по возможности Николай II тоже принял участие в "Бессмертном полку". Вот это пожелание мы и выполняем» (Сноб, Владимирова, 9.05.2016);

4) слот «Двадцать восемь панфиловцев» реализует концепты «Память», «Народное кино»: *«Владимир Мединский рассказал также, что к осенней премьере готовится фильм «28 панфиловцев» о подвиге бойцов 316-й стрелковой дивизии, отразивших атаку немецких танков 16 ноября 1941 года на подступах к Москве, у разъезда Дубосеково. Этот фильм можно смело назвать народным – свыше 35 миллионов рублей на его производство собрали жители России. Чтобы «народная кинокартина» вышла на экраны, помощь в ее создании оказали Российское военно-историческое общество (РВИО) и Министерство культуры Российской Федерации» (Однако, Мединский, 6.06.2016); концепт «Социальный заказ»: *«Фильм «28 панфиловцев», прокат которого запланирован на осень, – уникальный проект «народного кино», снятый во многом на пожертвования рядовых граждан (35 млн рублей!) и только во вторую очередь на субсидии минкультов РФ и Казахстана, которые уже просто не имели права игнорировать народное требование, – вполне себе внятная характеристика социального заказа» (Однако, Сорокин, 24.03.2016);**

5) слот «Парад на Красной площади» репрезентирует концепты «Память», «Патриотизм», «Ветераны», «Мир»: *«Но когда мы смотрим на военный парад на Красной Площади, мы радуемся не будущей войне, а тому, что не позволяет этой войне начаться. Броня, которая едет по Красной Площади, – это броня на наших жизнях и судьбах. Люди, которые идут с*

автоматами в парадных коробках, – это люди, которые приняли присягу стоять между нами и врагом. Мы радуемся тому, что они есть, и благодарим их за их благородство. Ветераны, сидящие на трибунах, смотрят – есть ли кому передать страну. Не подведут ли новые поколения. Есть ли у страны защитники» (Однако, Носиков, 13.06.2015); концепт «Братство»: *«Минский парад также примечателен: в белорусском символе Победы – красно-зеленой ленте с белым цветком яблони нет никакого «дистанцирования» от Москвы, как то подавалось «пятой колонной» во главе с «караул-патриотами». Это не более чем параллельный символ Победы, как и российский белый голубь в синем небе. Примечательно, что на лацкане пиджака у Лукашенко была именно георгиевская лента»* (Однако, Лизан, 10.05.2015);

б) слот «Сталинизация и десталинизация современной России» репрезентирует такие концепты, как «Уважение»: *«Победа в Великой Отечественной Войне неотделима от имени Сталина. Сталин был суров и крут. Однако, отмечу, что ни Бату-хан, ни Иван Грозный, ни Петр Первый не были зайками. Сталин выиграл великую войну. И попытка сделать из него главного злодея и тирана в истории по факту отменяет нашу победу. Да, он был суров. Но, например, не бросал атомные бомбы на немецкие или японские города. Он победитель – и это не обсуждается»* (На Линии, Разуваев, 11.04.2016); а также «История» и «Историческая память»: *«И есть сама историческая эпоха – эпоха не только наивных заблуждений, «поворотов не туда», жестокостей и несправедливостей (чего, признаемся, хватает в любые времена), но и немыслимых свершений и Победы. И есть Сталин. Они – так сложилось – не отдельно друг от друга, не «благодаря», но и не «вопреки». Все вместе и без изъятий – это и есть наша история. Но самое естественное, что мы можем и должны сделать сегодня, – это примириться с самими собой. А значит, и покончить наконец с «культушкой личности», и перестать сваливать на Сталина все свои сегодняшние проблемы и разногласия. Ведь Сталин уже ничего за нас не сделает – он*

умер 62 года назад. Сталин – в истории и исторической памяти» (Однако, Мединский, 3.07.2015);

7) слот «Значение Победы» репрезентирует концепт «Будущее»: *«С Победой надо еще потом правильно работать в исторической перспективе. Поскольку Победа – отнюдь не финал исторического процесса. И никуда не денешь ее диалектику – после Победы нельзя почивать на лаврах, а необходимо планировать действительное историческое развитие. Победу необходимо суметь продолжить во внутренней жизни государства и во внешней политике, а не только «заморозить» в мемориалах и вечной славе»* (Однако, Куликов, 09.2013); концепт «Единство»: *«У нас возникла тема национализма: «хватит кормить Кавказ», «Россия для русских». И единственное, что нас всех объединяет, это Победа. И потому же с Победой активно борются в тех странах, которые стараются отойти подальше от России»* (Однако, Юлин, 10.05.2014); концепт «Сакральность»: *«Победа для нас – это символ сакральный. Мы можем между собой до посинения спорить о политических пристрастиях и вкусах, но если мы сходимся в оценке Победы, то мы не враги»* (Однако, Супер, 23.03.2015); концепт «Родина»: *«День Победы – венец Великой Отечественной – наполнен не только духом Победы над фашизмом, но и нескончаемой любовью народа-победителя к Родине. Для советского гражданина это чувство – чувство Родины – было очевидным и незыблемым»* (Однако, Прилепин, 9.05.2015); концепты «Жизнь», «Прошлое» и «Настоящее»: *«Этот парад, этот праздник – он только для нас. Он объединяет наши сердца, он заставляет нас задуматься о том, какие страшные события преодолел наш народ «в рабочем порядке»: что было делать, если собственный покой, покой каждого дома, каждой семьи был нарушен? Собрались и пошли. И полегли там. Или вернулись. А вернувшись, переоделись в гражданское, и стали жить, не требуя поясных поклонов, не считая себя великими и героическими»* (Однако, Петрухина, 9.05.2016); концепты «Память» и «Воспитание»: *«Этих людей нужно беречь. «Мы*

уходим», – говорят они. Ничто не вечно, и немногим из помнящих войну осталось больше десятка лет. Значит, если стражей, которые должны своим напоминанием не позволить повториться трагедии сороковых годов, скоро не останется, кто-то должен взять их знамя и нести его. Память нужно воспитывать, а не вдалбливать. В это и нужно вкладывать силы, если мы хотим, чтобы завтра помнили о том, что случилось 70 лет назад, и поэтому нельзя допустить подобного» (Новая газета. Свободная пресса в Нижнем Новгороде, 17.05.2015);

8) в слот «Административная и государственная политика» входят такие концепты, как «Память», «Единство», «Ветераны», «Долг»: «Президент России Владимир Путин призвал сограждан «единообразно» отметить День Победы в Великой Отечественной войне. «Должен быть единообразный подход абсолютно ко всем гражданам РФ. Все должны в едином порыве делать что-то общее, не должно быть ничего, что нас разъединяет, чтобы чего-то кому-то не хватало», – сказал Путин. Владимир Путин призвал представителей различных конфессий не связывать празднование 9 мая с религией. «Лучше не делать ничего, что не смогли бы сделать другие», – добавил президент. На том же совещании глава государства заявил, что российским властям нужно скорее завершить выдачу квартир ветеранам войны» (Сноб, Бакланов, 17.03.2015).

Фрейм-сценарий «Антипраздник» включает следующие слоты:

1) слот «Культ Победы. Мода на патриотизм», включающий такие составляющие, как «Шоу»: «Из Дня Победы вымывается сущность войны, в которой была одержана Победа в самой кровавой и жестокой бойне 20 века. День Победы превращается в тотальный хепенинг и патриотическое шоу» (Однако, Уралов, 6.05.2016); «Миф»: «Былая Победа становится мифом, а новой пока не видно, потому общество пребывает в состоянии некоего ожидания. Требуются новые победы, так как вечно жить, эксплуатируя старые, нельзя» (Однако, Лизан, 10.05.2015); «Пропаганда ненависти»: «Сейчас набирает популярность мем «диды ваевале». Что это?»

Это, как сказал бы Н. Михалков, «новая правда, которая многим не понравится». Это новое отношение к ветеранам, которых дети в сети называют «вытиранами». К счастью, до уровня популярности обзорщиков дело пока не дошло. Но и уровень маленькой прослойки троллей перешагнуло» (Однако, Конин, 12.05.2014); «Мода»: «Сейчас в моду входит патриотизм. Молодой карьерист сегодня призадумается, какие убеждения напялить перед выходом в свет – патриотические, пожалуй, уже выглядят недурно. Пока еще говорят хорошие и часто правильные слова. И постепенно, как всякая мода, патриотизм обрастает фанатиками, журналами, фразами, маленькими и большими ритуалами. Скоро патриотизм станет полноценной модой. Однако на разворовывании страны это не отразится» (Однако, Кантор, 18.02.2014); «Культ»: «Победобесием называют культ победы, принимающий нездоровые формы: георгиевские ленточки на стриптиз-клубах, барах и банках майонеза, наклейки на машины «Вперед, за немками!» или «Можем повторить». Элементом победобесия именно этого года стала карнавализация: детей наряжали в форму военных лет, а в интернет-магазинах даже появились «военные» ползунки и пилотки для младенцев» (Сноб, Туркова, 14.05.2016); «Маркетинг»: «Соединить военную тему с эротикой еще лучше смогли в одном секс-шопе Екатеринбурга. Его оформили символикой, посвященной 9 Мая. В магазине объясняют: «Мэрия дала рекомендации в год 70-летия Победы украсить торговые точки в городе праздничными плакатами и афишами» (Сноб, Осокин, 1.05.2015); «Креатив»: «Приходится сделать вывод, что сочетание патриотического напора с креативом кремлевской молодежи – это адский коктейль. Вот, например, висит на Новом Арбате приглашение на патриотическую вечеринку со слоганом «Обама г...н». А вот Воркута и Сыктывкар, испытавшие все прелести сталинского советского режима, клеят на машины надписи «Обама – Чмо». Особенно трогательно антиамериканские лозунги смотрятся на джипах Chevrolet Suburban и чуждых немецких Audi» (Дождь, Лобков, 4.02.2015); «Безразличие»: «Городу

воинской славы Коврову стал не нужен Центр патриотического воспитания граждан, созданный здесь еще в 2013 году. Еще раз! В год 70-летия Победы! В городе воинской славы! Разогнали патриотическую организацию! Которая в том числе разворачивала Знамя Победы в Крыму. В Москве. По всей Владимирщине. И даже в Берлине! Решение горсовета и мэра Зотова – бывшего советского офицера, между прочим – противоречит и здравому смыслу, и установкам лидеров страны» (Владимирские ведомости, 13.01.2016);

2) в слот «Бессмертный полк» входят такие составляющие, как «Политическое событие»: «Прошла в этом году и уже ставшая традиционной акция «Бессмертный полк» (именно это название было признано словосочетанием года на конкурсе в 2015 году). Правда, сейчас эта акция стала намного ближе к государству и его представителям, чем к простым людям, которые ее в свое время и придумали. Само же словосочетание «бессмертный полк», кажется, закрепилось в языке надолго и, более того, осваивает все новые языковые пространства – в этом году акция прошла не только в России, но и во многих других странах» (Сноб, Туркова, 14.05.2016); «Оскорбление памяти»: «Американцы не празднуют окончание Второй мировой, немцы и англичане не празднуют; они пережили и прожили ее, они заключили мир. И только нашу страну забыли в окопах. Нам бы похоронить наших павших, а мы выкапываем их и гоним в новый бой, и они идут, безгласные – на Берлин, на Киев, на Вашингтон. Бессмертный полк идет пехотой по Красной площади в атаку следом за самой современной бронетехникой – никак не могущие умереть за пока еще живыми» (Сноб, Глуховский, 9.05.2015);

3) слот «Парад на Красной площади» реализует составляющую «Недоступность»: «Я выключаю тревожную передачу «России 24» и с беспокойным чувством отправляюсь в центр Москвы на День Победы. – А как посмотреть на парад? – обращается к полицейскому женщина, держащая за плечи мальчика и девочку. – По телевизору, – невозмутимо

отвечает полицейский. – Но я приехала из другого города с детьми, чтоб посмотреть парад... Полицейский пожимает плечами. Тем временем только на Страстном бульваре собралось несколько тысяч бесплодно бродящих зрителей» (Сноб, Шепелин, 10.05.2016);

4) слот «Сталинизация и десталинизация современной России» представлен составляющими «Страх»: «Потому что Европу не надо спасать. Она не слаба и не меланхольна, она не состоит из безбожных транссексуалов и спящих исламских террористов. Это для нас с привитой всему нашему народу товарищем Сталиным уголовной ментальностью доброта означает слабость, и потому она постыдна и даже опасна. И наша пословица «Боятся – значит, уважают» понятна по всей Европе только нам одним» (Сноб, Глуховский, 22.09.2015); «Вина»: «Но лично для меня это еще и день, когда я думаю о почти 30 миллионах погибших. Подумайте, 30 миллионов! То есть СССР потерял в четыре (!!!) раза больше людей, чем Германия. Виноват тот, кто не поверил ни одному донесению своих блестящих разведчиков о том, что немцы нападут 22 июня 1941 года. Не поверил предупреждению Черчилля, сообщившего об этой дате. Из-за него гитлеровцы молниеносно дошли до Ленинграда, до Москвы, до Сталинграда, из-за его просчетов они целых три года топтали советскую землю. Имя этого человека – Сталин Иосиф Виссарионович» (Сноб, Познер, 9.05.2016);

5) слот «Административная и государственная политика» репрезентируют составляющие «Идейный патриотизм»: «Если власть не патриотична, то никаких «патриотов» (в нужном ей смысле – то есть лоялистов) она никогда не воспитает. Даже ежедневные «доходы в РАН» не принесут никакого положительного результата на фоне редких сообщений об изъятом миллиарде у очередного губернатора, который еще вчера насаждал у себя в области идейный патриотизм и пел по утрам гимн России, пересчитывая хрустящие купюры» (Однако, Супер, 11.03.2015); «Неуважение» и «Бездейственность»: «Возможно, космонавты, пролетая

над Саратовской областью, а конкретно над Петровским районом, видят, как несколько деревень этого района занесены снегом и в степи едва горят огни. А вот власть местная этих деревень не видит даже на расстоянии вытянутой руки. Кто живет в снежной блокаде? Кто эти снежные люди? Это – самые заслуженные в районе люди. Старики, пенсионеры, ветераны Великой Отечественной войны, ветераны труда» (Саратовский репортер, 11.02.2014);

б) слот «Победа и современность» актуализирует составляющую «Ура-патриотизм»: «Стоило мне за семейным ужином признаться, что я не смотрел церемонию закрытия олимпиады, как мама перестала подливать мне компот. Это было воскресенье. В тот день праздновалась память новомучеников и исповедников российских. О новомучениках я спросил и у родителей. Оказалось, что можно хвалить Путина и Россию за олимпиаду, можно разгонять облака на 9 мая и выстреливать бюджет в красочных салютах – все это патриотично. Нельзя ставить под сомнение жертвы войны и спрашивать власть о деньгах. А вот куда пристроить этих несчастных новомучеников – непонятно. А пока есть нефть в карманах страны, пока не грянул счастливый 2018 год, можно не отвлекаться на пустяки. Православные батюшки, католические ксендзы и протестантские пасторы будут молиться Единому Богу о победе своих команд на олимпиаде. А мы будем считать важным все, что укладывается в схему актуального ура-патриотизма» (Сноб, Васенев, 13.02.2014).

§ 2. Лингвостилистические параметры дискурса Победы

Клише

1) «Всего в акции «Бессмертный полк» в Симферополе приняли участие несколько тысяч человек, в том числе около 300 сотрудников прокуратуры – с портретами родных и близких. Участники пели песни из военных кинофильмов. Шествие закончилось у могилы Неизвестного солдата» (Сноб, Владимирова, 9.05.2016);

2) «Масштабные празднования пройдут в Москве 9 мая. В этот день состоится парад Победы, в котором, как ожидается, будут участвовать боевые роботы. На парад как гостей пригласили 85 ветеранов из России и еще 75 ветеранов из других стран, сообщил министр обороны Сергей Шойгу. Несколько десятков лидеров стран мира получили приглашения на торжества, посвященные 70-летию победы. В Москву сейчас согласились приехать лидеры 26 стран» (Сноб, Бакланов, 17.03.15);

3) «Владелец таксопарка в Сузунском районе Новосибирской области избил 91-летнего ветерана Великой Отечественной войны. В отношении предпринимателя возбуждено уголовное дело, сообщается на сайте областной прокуратуры во вторник, 20 октября. Инцидент произошел в сентябре 2015 года. Днем около одного из магазинов 46-летний владелец таксопарка поссорился с пожилым пассажиром, забывшим адрес, по которому собирался ехать. Пассажиром оказался 91-летний ветеран Великой Отечественной войны, инвалид второй группы Ф.Н. Сивриков. «В ходе ссоры предприниматель нанес ветерану один удар кулаком по голове, после чего вытащил его за руки и ноги из автомобиля такси и уехал», – сообщили в областной прокуратуре» (Дождь, Новости, 20.10.15).

Штампы

1) «А в телевизоре была душевная нарезка «поздравления с 9 мая отовсюду». Страна была окутана туманом старых песен о главном» (На Линии, Мараховский, 25.11.2015);

2) «Именно в эти дни нам особенно трудно увернуться от «изнасилованных немок», «штрафбатов», «ГУЛАГа», «цены победы», «бездарного командования», «борцов против большевистской диктатуры», «мифов советской пропаганды», «цивилизованного европейского вермахта» и прочих истеричных ужасных правд» (Однако, Сорокин, 21.04.2016);

3) «Для меня День победы – это день, когда празднуется подвиг советского народа. Именно подвиг, по-другому не назовешь. Для меня День победы – не веселый праздник, а праздник со слезами на глазах. Я помню,

когда рос в Нью-Йорке в сороковые годы, только и были разговоры о героизме русских, о том, что именно русские побеждают Гитлера» (Сноб, Познер, 9.05.2016).

Экспрессивность

1) обращения, акцентирование внимания, комментирование факта: «Уважаемые читатели! <...> Мы помним времена, когда на центральном телевидении России, к тому моменту частично или полностью приватизированном, бушевала безжалостная задушевность. Ну вы помните: Красную площадь увенчали обнимающимися на Эльбе советским и американским солдатами. На трибунах были все-все-все, ведь президента нашей Родины Б.Н. Ельцина еще на многое предстояло уломать» (На Линии, Мараховский, 25.11.2015);

2) авторские уточнения: «В общем, старались все. Включая террористов, пытавшихся устроить в Москве на День Победы париж с брюсселем. Общественность так же эффективно пресекла попытки отечественной секты десуверенизаторов попиариться на своем участке. То есть они все это писали, заявляли, ретвитили и лайкали между собой» (На Линии, Мараховский, 12.05.2016);

3) собственно авторское отношение: «Во вновь развернувшейся в связи с юбилеем двадцатого съезда КПСС немного истеричной дискуссии о роли личности Сталина есть только одна по-настоящему положительная сторона. И она заключается в том, что чересчур повышенный градус разговоров позволяет расставить некоторые очевидные точки в этой подзатянувшейся «конференции» (На Линии, Лекух, 27.02.2016);

4) акцентирование внимания: «День Победы будут праздновать всегда, даже тогда, когда, к сожалению, от нас с вами уйдет последний живой ветеран. Просто людям свойственно праздновать свои дни рождения. А это и есть день рождения нашей многонациональной общности, нашего великого народа, и вот это вот всем нам и надо очень и очень четко понимать» (На Линии, Лекух, 9.05.2016);

5) усиление эмоционального накала с помощью использования малых синтаксических конструкций: «Герои. Не щадили живота своего, отдали жизнь за други своя. Теперь состоят в небесном воинстве. Оба раза война была народная. Священная война» (Однако, Куликов, 09.2013);

б) ответ на собственно поставленный вопрос:

– «Дойдет ли серьезность вызовов до превращения патриотизма из «дискурса» и «лирики» в практическую политику с вовлечением реальных масс? Прогнозировать не берёмся. Мир сейчас меняется быстро» (Однако, Супер, 1.05.2015);

– «9 мая - это особенный день. Этот праздник - самый искренний, самый чистый, самый настоящий. Что делает этот день таким особенным, не похожим ни на какой другой? Понимание того, как важно мечтать и идти к своей мечте! Вам кажется, что вы столкнулись в своей жизни с чем-то очень тяжёлым, практически невозможным? А вы подумайте о том, что чувствовали страшным летом 41-го года вчерашние школьники, на которых катилась самая страшная, самая мощная железная армада в мире. Дорогие соотечественники, пусть память о Великой Победе воодушевляет нас на новые подвиги, свершения и достижения» (Сноб, Воронин, 9.05.2016);

– «Черно-оранжевый лоскуток оказался тем недостающим атрибутом, который превратил День Победы в точку сборки и торжества исторического и национального самосознания. Что вы говорите? «Элемент массовой культуры»? Да, так и есть. И массовой (то есть всенародной) культуры» (Однако, Сорокин, 9.05.2016);

7) авторские неологизмы: «Но в то же время написаны благоглупости вроде "Бессмертный полк – Некоммерческая, Неполитическая, Негосударственная Гражданская Инициатива"» (Однако, Юлин, 21.05.2014).

Реалии, аллюзии

1) «Мне больше всего врезалась в память образцово-задушевная нарезка по случаю 50-летия Победы в 1995-м. В телевизоре была душевная

нарезка "поздравления с 9 мая отовсюду" (На Линии, Мараховский, 25.11.2015);

2) «9 мая прошло без баталий, спокойно. Так же, как спокойно были пережиты все последние разоблачения виолончелей, и стенания по псевдо-летчице, и прочие некогда работавшие поводы» (На Линии, Мараховский, 12.05.2016);

3) «Между тем в современном мире существует пример совершенно адекватного отношения к исторической памяти о фашизме. Этот пример дает государство Израиль. Трагедия холокоста является одним из фундаментов еврейского национального самосознания» (Однако, Яковлев, 22.06.2011);

4) «Придется вступить в конкуренцию с имеющимся глобальным западным проектом <...> Собственно, ровно из этих соображений после Первой мировой и Смуты в России завелся «красный проект» – альтернативный «мировому империализму» (Однако, Сорокин, 9.09.2015);

5) «9-е мая ненавистно нашим противникам по двум основным причинам. Первая причина в том, что этот день охраняет остатки того миропорядка, который наши уважаемые оппоненты хотели бы упразднить окончательно – остатки миропорядка, созданного в Ялте» (Однако, Носиков, 13.03.2015).

Разговорная, сниженная, сленговая лексика

1) «На трибунах были все-все-все, ведь президента нашей Родины Б.Н. Ельцина еще на многое предстояло уломать» (На Линии, Мараховский, 25.11.2015);

2) «То есть плачут о допоухих жертвах ненужной войны в основном реликтовые особи, одновременно в режиме онлайн сообщающие о маршруте своего бегства из России. Так сказать, ошметки старого времени» (На Линии, Мараховский, 25.11.2015);

3) «Предыдущие Дни Победы – по крайней мере с начала десятилетия – непременно сопровождалась организацией какого-нибудь «антипраздника»

<...> *И даже 2015 год – попытка изобразить марш Бессмертного полка чем-то вроде принудиловки, «на которую сгоняли»* (На Линии, Мараховский, 12.05.2016);

4) *«День Победы для нас, за исключением отдельных выродков, – праздник абсолютно бесспорный»* (На Линии, Лекух, 9.05.2016);

5) *«Да, с помощью патриотизма можно манипулировать людьми. Но это не значит, что человеку нужно перестать хотеть быть здоровым, а детей не нужно любить. Это значит, что нужно учиться и уметь отличать настоящее от несостоящего, незабудку от дерьма, любовь от секса, мечту от вожделения. И тогда все будет хорошо»* (Однако, Носиков, 3.04.2014);

6) *«Масштаб трагедии, драма, пафос и бравада нужны нам, а не им. Чтобы не стать до конца скотами, чтобы хотя бы единственный день в году помнить о великой славе и великом подвиге. Так, черт возьми, почему вы все это снова опошили, и превратили в парад полосок, пьянку и свинарник? Почему даже до вечера не можем нести священное знамя героев в трезвом уме и твердой памяти?»* (Сноб, Петрухина, 9.05.2016).

Использование приемов и фигур речи

1) метафора: *«Мы помним времена, когда на центральном телевидении России бушевала безжалостная задушевность и совершенно потерявшая человеческое лицо общечеловечность»* (На Линии, Мараховский, 25.11.2015); *«Акция «Повяжи Георгиевскую ленточку» появилась на свет накануне 60-летия Победы с легкой руки агентства «РИА Новости». К тому моменту прогрессивная свободолюбивая общественность, если кто забыл, уже с сытым урчанием догрызала остатки российской идентичности – ее исторические, культурные, нравственные основы, казалось понесли ущерб, несовместимый с дальнейшим существованием народа»* (Однако, Сорокин, 9.05.2016);

2) градация: *«Мы слушаем, как лоснящиеся артисты поют нам весь май, каждый май, фронтовые песни – и все это песни про смерть, про готовность умереть юным, про то, как страшно умирать, и про то, как*

научиться умирать; щемящие, могучие, ритуальные песни, от которых мы забываем себя. От них мы сами хотим строиться шеренгами, сами ищем вождей, за которых было бы браво умереть, и любой вождь подходит нам, чтобы умереть за него. Так нам кажется в мае» (Сноб, Глуховский, 9.05.2015);

3) гипербола, эпитеты: «Мы выкручиваем себе шею, глядя назад. Мы ищем вдохновения в прошлом, потому что ничего не понимаем про свое будущее. Мы боимся будущего, боимся, что в его неизвестности и неизведанности нас ждут хаос и разрушение. Мы ищем силы в своем чудовищном, жестоком, кровавом прошлом, потому что хотим себя убедить, что самое страшное уже позади – и мы пережили его» (Сноб, Глуховский, 9.05.2015);

4) ирония: «При этом в историческом вакууме растет самый причудливый чертополох: появляются тексты, в которых с уверенностью Хлестакова говорится, будто накормить Ленинград зимой 1941-42 гг. было проще простого, но товарищ Сталин намеренно заморил ленинградцев голодом, чтобы потом свалить это на Гитлера. И за всей этой фантастикой, которая буквально захлестывает медиа, абсолютно потерян тот колоссальный упорный труд, который был проделан, чтобы спасти город» (Однако, Яковлев, 25.06.2014);

5) сарказм: «То есть плачут о лопнувших жертвах ненужной войны в основном реликтовые особи, одновременно в режиме онлайн сообщающие о маршруте своего бегства из России. Так сказать, ошметки старого времени» (На Линии, Мараховский, 25.11.2015).

Идеологизированность

1) мы, наше: «У нас опять пытаются угнать наш День Победы. Теперь – предложениями перенести Парад Победы из Москвы в Киев или Берлин. Причем если раньше для кражи применяли отмычки типа «Сталин – хуже Гитлера» и «Гитлера победила западная коалиция», то теперь в ход пустили лом «сегодняшняя Россия не достойна Победы, потому что бомбит

Украину» (Однако, Супер, 23.03.2015); *«Моя знакомая опубликовала тут чей-то текст, написанный, как под копирку – русский народ страдал в войну, нас вешали и жгли, нас топили и душили, но мы выстояли. Мы – герои. А мрази вроде Красовского и Собчак, которые называют путинский режим фашистским – пусть валят. "Вот же правильные слова", – написала эта вот моя знакомая»* (Сноб, Красовский, 6.05.2015);

2) «свое-чужое»: *«Предатели оба раза мечтали, чтобы нас наконец-то завоевал европейский «цивилизатор», который только и может научить нас, неразумных, грубых и диких, жить по-человечески. А ради этого пусть и выпорот, и накажет. Они и сейчас об этом мечтают»* (Однако, Куликов, 09.2013); *«В 1812-м захватывали обозы, а в 1941-м «пускали под откос». Новая «власть» понять этого явления так и не смогла – ни тогда, ни потом. Гитлер считал, что к нему кинутся в ноги подальше от Сталина, а Наполеон пришел тоже – освободить о рабства. «Рабы», правда, поступили по-своему – как подлинно свободные люди. Без комплексов и оглядок на цивилизацию»* (Однако, Куликов, 09.2013);

3) поиск виновного: *«Вопрос: почему молчала Россия? Почему в нашей стране власти делают вид, что симпатии к Гитлеру видных деятелей мирового искусства их не касаются? Число гражданских, то есть невоинских, жертв гитлеровской агрессии, которые никак нельзя повесить на «заградотряды», «маршалов беды» и взятия городов к праздникам, в СССР составляет по последним подсчетам пятнадцать миллионов человек. Разве эта цифра – недостаточный аргумент для того, чтобы наше государство и общество вечно занимали радикально непримиримую позицию по вопросам оправдания фашизма? Оказывается, нет. Более того. Настоящая реабилитация Гитлера началась именно тогда, когда утверждать, что Третий рейх – это не так страшно, позволили себе именно в России»* (Однако, Яковлев, 22.06.2011);

4) контраст – празднование 50-летия Победы/20 лет спустя, патриотизм/антипатриотизм: *«Президент В.В. Путин наградил*

подполковника Олега Анатольевича Пешкова, pilota фронтового бомбардировщика Су-24, погибшего от пуль террористов при исполнении воинского долга в результате подлого нападения ВВС Турции, званием Героя России посмертно. Но вспоминаются времена пострашнее. Не знаю кому как, а мне больше всего врезалась в память образцово-задушевная нарезка по случаю, кажется, 50-летия Победы в 1995-м. Ну вы помните: Красную площадь увенчали обнимающимися на Эльбе советским и американским солдатами. Так сказать, лирическое документальное полотно общечеловечности и задушевности. Обратной стороной этого задушевничества была необходимость презирать собственных героев. Их в лучшем случае вспоминали как жертв - "убойный скот никому не нужной бесчеловечной войны". Тем самым унижая погибших дополнительно. В худшем случае лирические журналистки противопоставляли этим бессмысленным полуживотным гордых огнеглазых горцев, сражающихся "за свою землю". С тех пор прошло двадцать лет. И мы можем констатировать, что пьяное задушевничество в России как-то иссякло» (На Линии, Мараховский, 25.11.2015).

Исходя из анализа языкового материала, можно прийти к выводу, что в процессе лингвистического анализа материала были выявлены такие языковые средства выражения ментальной установки в дискурсе Победы, как культурно-ценностные установки нации (духовность, гражданственность, мученичество, уважение к прошлому, широта русской души, самопожертвование, патриотизм, единство, фатализм, внимание к нюансам человеческих отношений, щедрость), прецедентные феномены, этнокультурные концепты, этнокультурные стереотипы, фреймы-сценарии «Праздник» и «Антипраздник».

Среди лингвостилистических параметров дискурса Победы в информационно-аналитической интернет-публицистике выявлено активное использование клише, штампов, элементов создания экспрессивности (обращения к читателю, комментирование факта, авторские уточнения,

собственное авторское отношение, малые синтаксические конструкции, ответ на поставленный вопрос, авторские неологизмы), реалий и аллюзий, разговорной и сниженной лексики, приемов и фигур речи, идеологизированности.

Выделенные в процессе анализа языковые параметры дискурса Победы могут активно применяться в школьной практике – как на уроках русского языка и литературы, так и во внеурочной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование показало, что проблема дискурса продолжает оставаться приоритетной на современном этапе развития гуманитарных наук. Дискурс Победы, который мы исследовали на материале информационно-аналитической интернет-публицистики, представляет собой коммуникативно-речевое пространство, актуализируемое средствами массовой информации в момент празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Дискурс Победы в связи с большим ракурсом распространения и широтой тематического охвата располагается на стыке публицистического, политического, патриотического дискурсов. Описание языковых параметров дискурса Победы позволяет определить степень проявления ментальной установки в сознании авторов статей и читателей, а также служит ярким примером для презентации стилистических характеристик публицистического стиля.

В процессе анализа языковых параметров дискурса Победы на материале информационно-аналитической интернет-публицистики были выполнены все поставленные задачи: описаны смежно-лингвистические понимания, трактовки, характеристики, нюансы менталитета и ментальности; рассмотрены виды менталитета; описаны особенности этнокультурного менталитета; выявлены языковые способы выражения этнокультурного менталитета; рассмотрена ментальная установка как составляющую дискурса

Победы; дано определение понятию дискурса; охарактеризован интернет-дискурс как речепорождающая среда современной коммуникации; определены особенности публицистического дискурса в пространстве Глобальной Сети; выявлены лингвостилистические параметры дискурса Победы и языковые средства выражения ментальной установки в дискурсе Победы; разработаны методические рекомендации по использованию языковых параметров дискурса Победы на уроках русского языка.

В качестве языкового материала были использованы 58 публицистических статей информационно-аналитической направленности. Выборка статей осуществлялась путем поиска ассоциативных ключевых слов и словосочетаний «Победа», «День Победы», «Великая Отечественная война», «ветераны», «память», «патриотизм», «великое событие», «Дети Войны», «праздник», «героизм», «воспоминания» на пяти ресурсах – на электронном информационно-аналитическом портале «Однако»; на российском ежедневном общественно-политическом интернет-издании «На Линии»; на международном проекте «Сноб»; на российском круглосуточном информационном телеканале «Дождь»; на сайтах региональной интернет-публицистики с аналитическими признаками.

В процессе лингвистического анализа материала были выявлены такие языковые средства выражения ментальной установки в дискурсе Победы, как культурно-ценностные установки нации (духовность, гражданственность, мученичество, уважение к прошлому, широта русской души, самопожертвование, патриотизм, единство, фатализм, внимание к нюансам человеческих отношений, щедрость), прецедентные феномены, этнокультурные концепты, этнокультурные стереотипы, фреймы-сценарии «Праздник» и «Антипраздник».

Среди лингвостилистических параметров дискурса Победы в информационно-аналитической интернет-публицистике выявлено активное использование клише, штампов, элементов создания экспрессивности (обращения к читателю, комментирование факта, авторские уточнения,

собственное авторское отношение, малые синтаксические конструкции, ответ на поставленный вопрос, авторские неологизмы), реалий и аллюзий, разговорной и сниженной лексики, приемов и фигур речи, идеологизированности.

Как показал анализ языковых единиц, выявление культурно-ценностных установок невозможно без обращения к работам русских философов.

Прецедентные феномены представляют собой хорошо известные всем представителям культурного сообщества вербальные и невербальные объекты, употребление которых периодически возобновляется в дискурсе. Прецедентные феномены кодируют, хранят и воспроизводят в нужное время важную для культуры этноса информацию.

Этнокультурные концепты можно рассматривать в качестве основной «ячейки» хранения наиболее важных знаний в каждой этнической языковой картине мира. Главным смысловым пластом концепта является коннотативная семантика, которая актуализирует не только когнитивные (образные, мифические, обыденные) структуры, но также и эмоциональные переживания. Лингвокультурная значимость концепта выражается в том, что на понятие через языковой знак наслаиваются ассоциации, образы, знания, вследствие чего язык становится не просто знаковой системой, а одним из способов репрезентации культуры.

Фреймы представляют собой когнитивное образование, способное отражать целую ситуацию либо сцену со всем многообразием узлов и отношений. В основе структуры фреймов находятся слоты, в качестве которых могут выступать концепты, находящиеся в иерархических отношениях друг к другу. Фреймы являются значимой ментальной репрезентацией, поскольку отражают особенности организации знаний о действительности и опыта взаимодействия с ней.

Под этнокультурными стереотипами понимают типичные представления большинства людей одной этнокультуры о людях своего или

другого этноса, причем данные представления могут быть схематизированы и эмоционально окрашены. В языке это проявляется в различных стереотипных формулах и выражениях, в словосочетаниях и фразеологизмах, в пословицах и поговорках, а также в синтаксических конструкциях.

Основной средой развития дискурса Победы служит интернет-среда, поскольку основная часть современного общения осуществляется с помощью средств электронной коммуникации. Интернет-дискурс в настоящее время имеет многогранные и неоднозначные определения, что позволяет характеризовать его как явление уникальное.

Публицистический дискурс, трансформируясь и видоизменяясь в пространстве Глобальной Сети, приобретает новые специфические признаки и черты, среди которых выделяют многоканальность, гипертекстуальность, интерактивность, креализованность, диалогичность (Е.А. Ковригина), возможность выбора гражданских инициатив (Е.А. Воробьева), использование текстовой модели «перевернутой пирамиды» (А.Р. Сафина), возникновение новых жанров журналистики (А.Р. Сафина).

К недавно образовавшимся жанрам сетевого публицистического дискурса следует отнести информационно-аналитическую статью. Главной особенностью нового жанра является наличие аналитической части, в которой могут быть показаны различные способы восприятия окружающей действительности.

Стилистические черты публицистического дискурса направлены на реализацию двух основных функций – информирования и воздействия. Функция воздействия реализуется через речевую выразительность, экспрессивность, доступность, использование разговорной и сленговой лексики, а также приемов и фигур речи; наблюдается отсылка к различного рода реалиям и аллюзиям; посредством определенного набора языковых средств осуществляется привязка к конкретной идее. Функция информирования предполагает объективность, сдержанность, официальность, чему способствует применение клише и штампов.

Стилистические черты публицистический дискурса могут трансформироваться в процессе изменений в обществе. В свою очередь, язык средств массовой информации способен оказывать влияние на сознание читателей, поэтому требует постоянного изучения и анализа.

Выделенные в процессе анализа языковые параметры дискурса Победы могут активно применяться в школьной практике – как на уроках русского языка и литературы, так и во внеурочной деятельности. Положительную роль в данном языковом материале играет его патриотическая направленность, поскольку затронута наиболее актуальная составляющая нравственного воспитания школьника и гражданина страны.

На основании действующих в школе нормативных документов (профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель)», Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования) применение текстов патриотической направленности с использованием языковых параметров дискурса Победы на уроках русского языка приводит к формированию орфографической зоркости и навыков грамотного письма; воспитанию интереса к изучению русского языка как средства коммуникации; развитию устной и письменной речи школьников; формированию умений задавать вопросы и слушать; развитию словарного запаса, связанного с темой Великой Победы; воспитанию на примере языкового материала чувства любви к Родине.

Оптимальным во внеурочной деятельности является проведение различных викторин, лингвистических и интеллектуальных игр, исследовательской и проектной деятельности с использованием языковых параметров дискурса Победы.

Тексты с языковыми параметрами дискурса Победы целесообразно использовать также при подготовке школьников к сдаче выпускных

экзаменов – ОГЭ и ЕГЭ. Например, в процессе подготовки к написанию сочинений-рассуждений на патриотическую тематику.

Использование языковых параметров дискурса Победы возможно также при разработке самостоятельного элективного курса по русскому языку, направленному на углубленное изучение особенностей публицистического стиля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**I. Теоретические работы:**

1. Абдразакова, Г.Ш. Особенности национальной языковой картины мира [Текст] / Г.Ш. Абдразакова // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. – №5. – С. 259-262.
2. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
3. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурная природа ментальности [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – №1. – С. 23-40.
4. Алефиренко, Н.Ф. Русская ментальность и паремическая семантика: когнитивно-прагматический аспект проблемы [Текст] / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. – №1. – С. 5-10.
5. Алефиренко, Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Мир русского слова. – 2002. – №2. – С. 69-74.
6. Баркович, А.А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация [Текст] / А.А. Баркович. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 288 с.
7. Бастриков, А.В. Лингвокультурные концепты как основа языкового менталитета [Текст] / А.В. Бастриков, Е.М. Бастрикова // Филология и культура. – 2002. – № 3(29). – С. 15-18.
8. Беликова, Г.В. Функционально-прагматическая семиотика клишированных языковых знаков [Текст] / Г.В. Беликова // Преподаватель XXI века. – 2015. – №2. – С. 317-329.
9. Болтнева, Н.А. О проблеме дискурса в современной лингвистике [Текст] / Н.А. Болтнева // Учебные записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2015. – №4. – С. 23-29.

10. Буянова, Л.Ю. Репрезентация и актуализация ментальности в русской лингвокультуре [Текст] / Л.Ю. Буянова // В книге: Когнитивная парадигма ментальности в пространстве. Коллективная монография. Отв. ред. У.М. Панеш, М.П. Ахиджакова. – Майкоп, 2015. – С. 15-32.
11. Вилинбахова, Е.Л. Стереотип в лингвистике: объект или инструмент исследования? [Текст] / Е.Л. Вилинбахова // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». – 2012. – С. 19-28.
12. Воробьева, Е.А. Интернет-СМИ как источник и транслятор гражданских инициатив [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Е.А. Воробьева; Рос. Ун-т дружбы народов. – Иваново, 2010. – 196 с.
13. Галичкина, Е.Н. Характеристики компьютерного дискурса [Текст] / Е.Н. Галичкина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – №10. – С. 55-59.
14. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 348 с.
15. Горина, Е.В. Интернет-издание как текстовый феномен [Текст] / Е.В. Горина, Э.А. Лазарева // Лингвокультурология. – 2009. – №3. – С. 48-61.
16. Горина, Е.В. Конституирующие признаки дискурса Интернета [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Горина; Уральский федеральный университет имени Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2015. – 518 с.
17. Данилова, С.А. Типология дискурса [Текст] / С.А. Данилова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №1. – С. 345-349.
18. Двойнина, Е.В. Речевая манипуляция в Интернет-дискурсе: на материале русско- и англоязычных новостных сайтов [Текст]: дис. ... канд. филол.

- наук / Е.В. Двойнина; Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 243 с.
19. Емельянова, Е.В. Языковая картина мира и языковое сознание [Текст] / Е.В. Емельянова // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2015. – №10. – С. 155-159.
20. Ефремов, В.А. Теория концепта и концептуальное пространство [Текст] / В.А. Ефремов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №104. – С. 96-105.
21. Жуковская, Л.И. Семантическое наполнение концепта «менталитет»/ «ментальность» и его языковое воплощение в современной русском языке [Текст]: Автореф. ... канд. филол. наук / Л.И. Жуковская. – Нижний Новгород, 2015. – 80 с.
22. Забелина, Н.А. Менталитет и ментальность [Текст] / Н.А. Забелина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2007. – №1. – С. 19-25.
23. Зайнуллина, Л.М. О специфике исследования интернет-дискурса [Текст] / Л.М. Зайнуллина // Вестник Башкирского университета. – 2012. – №1. – С. 492-497.
24. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Шк. «Языки славянской культуры», 2005. – 340 с.
25. Згировская, О.Г. Экспрессивность как лингвистическая категория языка [Текст] / О.Г. Згировская // Вестник Московского государственного университета печати. – 2013. – №6. – С. 164-168.
26. Каминский, П.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе [Текст] / П.П. Каминский // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – №1. – С. 97-105.
27. Карасик, В.И. О типах дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

28. Киреева, И.И. Этнокультурные коды как способ символизации окружающей действительности [Текст] / И.И. Киреева // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – №2(7). – С. 96-99.
29. Коврижных, О.А. Роль этноидентификации в современных политических процессах и межкультурной коммуникации [Текст] / О.А. Коврижных // Общество: Философия, История, Культура. – Краснодар: Издательский дом «ХОРС». – 2016. – №4. – С. 15-18.
30. Крысин, Л.П. О русских этностереотипах в их языковом выражении [Текст] / Л.П. Крысин // Лексикология и лексикография. – 2006. – №17. – С. 103-108.
31. Ляпун, С.В. Ирония в газетной публицистике конца XX – начала XXI веков: стилистический прием и стилевая тенденция [Текст] / С.В. Ляпун // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – №1. – С. 27-32.
32. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие [Текст] / В.А. Маслова, – М., 2001. – 231 с.
33. Матяшевская, А.И. Сниженная лексика в российских печатных и интернет-изданиях (на материале «Аргументы недели» и «Газета.ру») [Текст] / А.И. Матяшевская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №5. – С. 98-102.
34. Михайлова, Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Михайлова. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. пед. ун-та, 1999. – 22 с.
35. Новоженова, З.Л. Клише и штампы в публицистическом тексте как проблема перевода [Текст] / З.Л. Новоженова // Известия Саратовского университета. – 2012. – №12. – С. 13-19.
36. Омельченко, С.Р. Категориальный статус языковой ментальности [Текст] / С.Р. Омельченко // Язык и ментальность: сборник статей; отв. ред. М. Влад. Пименова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. – 696 с.

37. Омуралиева, А.И. Жанры аналитической публицистики [Текст] / А.И. Омуралиева // Вестник Калмыцкого университета. – 2014. – №3. – С. 76-80.
38. Онищенко, О.В. Функционирование аллюзий, реминисценций и прецедентных феноменов в текстах русскоязычных СМИ [Текст] / О.В. Онищенко // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2010. – №2. – С. 58-64.
39. Полежаев, Д.В. Идея менталитета в русской философии [Текст] / Д.В. Полежаев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.
40. Приходько, А.Н. Концепты и концептосистемы [Текст] / А.Н. Приходько. – Днепропетровск: Белая Е.А., 2013. – 307 с.
41. Пушкарев, Л.Н. Понятие менталитета в современной зарубежной историографии [Текст] / Л.Н. Пушкарев // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. – М., 1999. – С. 84-96.
42. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие [Текст] / Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 328 с.
43. Семененко, Н.Н. Дискурс Победы в ценностно-смысловом пространстве отечественной культуры: когнитивно-прагматические доминанты [Текст] / Н.Н. Семененко // Евразийский вестник гуманитарных исследований. – Пермь, 2015. – С. 90-95.
44. Сироткина, Т.А. К вопросу о когнитивной категории этничности [Текст] / Т.А. Сироткина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №2. – С. 47-52.
45. Соколова, О.В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике [Текст] / О.В. Соколова // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – №1. – С. 236-239.
46. Тарасова, И.А. Фреймовый анализ в исследовании идиостилей [Текст] / И.А. Тарасова // Филологические науки. – 2004. – №4. – С. 42-49.

47. Турбина, О.А. Языковое сознание и картина мира [Текст] / О.А. Турбина // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Тюмень, 1997. – 348 с.
48. Фуко, М. Порядок дискурса [Текст] / Пер. с франц. С.В. Табачихиной // Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Общ. ред. А. Пузыряя. – М.: Кастельс, 1996. – С. 48-96.
49. Цопанова, Р.Г. Прецедентные имена как средство формирования национально-культурных стереотипов [Текст] / Р.Г. Цопанова // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Издательский Дом «Академия Естествознания». – 2015. – №2. – С. 252-293.
50. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие [Текст] / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

II. Список источников:

1. Бакланов, А. Путин распорядился отмечать День Победы в «едином порыве» [Электронный ресурс] / А. Бакланов // Сноб. – 2015. – 17 марта. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/89607>
2. Васенев, А. Священная война и священная олимпиада [Электронный ресурс] / А. Васенев // Сноб. – 2014. – 13 февраля. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/27500/blog/71852>
3. Владимирова, В. Поклонская принесла на акцию «Бессмертный полк» икону Николая II [Электронный ресурс] / В. Владимирова // Сноб. – 2016. – 9 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/108147>
4. Воронин, А. С днем благодарности, счастья, памяти и осуществления величайшей мечты [Электронный ресурс] / А. Воронин // Сноб. – 2016. – 9 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/29638/blog/108141>

5. Глуховский, Д. Забытые в окопах [Электронный ресурс] / Д. Глуховский // Сноб. – 2015. – 9 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/108142>
6. Глуховский, Д. Спасение Европы [Электронный ресурс] / Д. Глуховский // Сноб. – 2015. – 22 сентября. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/98188>
7. Городникова, К. Спасибо за Победу [Электронный ресурс] / К. Городникова // Новости Оскола. – 2015. – 26 марта. – Режим доступа: <http://www.no.oskol-news/?p=46241>
8. Кантор, М. Новые патриоты: в ожидании весенних распродаж [Электронный ресурс] / М. Кантор // Однако. – 2014. – 18 февраля. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/novie-patrioti-v-ozhidanii-vesennih-rasprodazh/>
9. Конин, М. Праздник и кreakлы. Послесловие ко Дню Победы [Электронный ресурс] / М. Конин // Однако. – 2014. – 12 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/den-pobedi-i-kreakli/>
10. Красовский, А. Внутреннее зло [Электронный ресурс] / А. Красовский // Сноб. – 2015. – 6 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/6871/blog/92132>
11. Куликов, Д. Победа как национальный архетип и стержень русской культуры [Электронный ресурс] / Д. Куликов // Однако. – 2013. – сентябрь. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/almanac/pobeda-kak-nacionalniy-arhetip-i-sterzhen-russkoj-kulturi/>
12. Лекух, Д. Год перед семнадцатым. О кризисе доверия элитам в России [Электронный ресурс] / Д. Лекух // На Линии. – 2015. – 31 декабря. – Режим доступа: <http://www.nalin.ru/God-pered-semnadcatym-O-krizise-doveriya-elitam-v-Rossii-714>
13. Лекух, Д. Дата, выбранная войной [Электронный ресурс] / Д. Лекух // На Линии. – 2016. – 9 мая. – Режим доступа: <http://www.nalin.ru/data-vybrannaya-vojnoj-1737>

14. Лекух, Д. Десталинизация как проект коллективного наказания народов РФ [Электронный ресурс] / Д. Лекух // На Линии. – 2016. – 27 февраля. – Режим доступа: <http://www.nalin.ru/destalinizaciya-kak-proekt-kollektivnogo-nakazaniya-naroda-rf-1288>
15. Лизан, И. Требуются новые победы: о парадах в Москве, Минске и Новороссии [Электронный ресурс] / И. Лизан // Однако. – 2015. – 10 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/trebuyutsya-novie-pobedi-o-paradah-v-moskve-minske-i-novorossii/>
16. Лобков, А. Может, хоть Тина Канделаки наденет штаны на патриотов. «Обама – чмо» и другой адский креатив [Электронный ресурс] / А. Лобков // Дождь. – 2015. – 4 февраля. – Режим доступа: https://tvrain.ru/teleshov/lobkov_vecheree_shou/mozhet_hot_tina_kandelaki_nadenet_shtany_na_patriotov_obama_chmo_i_drugoj_adskij_kreativ-381546/
17. Макеева, А. Русская идея и русская душа Владимира Путина [Электронный ресурс] / А. Макеева // Дождь. – 2014. – 17 апреля. – Режим доступа: https://makeeva_russkaja_ideja_i_russkaja_dusha_putina/
18. Мараховский, В. Бессмертный полк подарил вторую жизнь Дню Победы [Электронный ресурс] / В. Мараховский // Однако. – 2016. – 28 апреля. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/bessmertniy-pol-k-podaril-vtoruyu-zhizn-dnyu-pobedi/>
19. Мараховский, В. Блеск и нищета русофобии [Электронный ресурс] / В. Мараховский // На Линии. – 2016. – 12 мая. – Режим доступа: <http://www.nalin.ru/blesk-i-nishheta-rusofobii-1760>
20. Мараховский, В. К награждению погибших героев: как Россия за 20 лет избавилась от «задушевничества» [Электронный ресурс] / В. Мараховский // На Линии. – 2015. – 25 ноября. – Режим доступа: <http://www.nalin.ru/K-nagrazhdeniyu-pogibshix-geroev-kak-Rossiia-za-20-let-izbavilas-ot-zadushevnichestva-434>

21. Мараховский, В. Хотят ли русские войну [Электронный ресурс] / В. Мараховский // На Линии. – 2016. – 23 марта. – Режим доступа: <http://www.nalin.ru/xotyat-li-russkie-vojnu-1451>
22. Мединский, В. Мединский проанонсировал премьеру фильма «28 панфиловцев» [Электронный ресурс] / В. Мединский // Однако. – 2016. – 6 июня. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/medinskiy-proanonsiroval-premeru-filma-28-panfilovcev/>
23. Мединский, В. О месте Сталина в исторической памяти и в истории без изъятий [Электронный ресурс] / В. Мединский // Однако. – 2015. – 3 июля. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/o-meste-stalina-v-istoricheskoy-pamyati-i-v-istorii-bez-izyatiy/>
24. Новости. Владелец таксопарка в Новосибирской области избил ветерана [Электронный ресурс] / Новости // Дождь. – 2015. – 20 октября. – Режим доступа: <https://tvrain.ru/news/novosib-396616/>
25. Новости. В преддверии Дня Победы «Алтайская Правда» начинает серию публикаций о педагогах, ушедших на фронт [Электронный ресурс] / Новости // Алтайская правда. – 2016. – 13 апреля. – Режим доступа: <http://www.ap22.ru/paper/V-preddverii-Dnya-Pobedy-Altayskaya-pravda-nachinaet-seriyu-publikatsiy-o-pedagogah-ushedshih-na-front.html>
26. Новости. Главное – не победа, а неучастие? [Электронный ресурс] / Новости // Владимирский ведомости. – 2016. – 13 января. – Режим доступа: <http://www.vedom.ru/news/2016/01/13/20294-glavnoe>
27. Новости. Память на страже совести [Электронный ресурс] / Новости // Новая газета. Свободная пресса в Нижнем Новгороде. – 2015. – 17 мая. – Режим доступа: <http://novayagazeta-nn.ru/2015/370/pamyat-na-straje-sovesti.html>
28. Новости. Снежные люди. Петровск: ветераны войны и труда в блокаде [Электронный ресурс] / Новости // Саратовский репортер. – 2014. – 11 февраля. – Режим доступа: <http://www.rsar.ru/index.php/rajony-oblasti/petrovsk/item/475>

29. Носиков, Р. Испытание Днем Победы. Кто его прошел и кто нет [Электронный ресурс] / Р. Носиков // Однако. – 2015. – 13 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/ispitanie-dnyom-pobedi-kto-ego-proshyol-i-kto-net/>
30. Носиков, Р. Патриотизм как норма. Ликбез для образованных [Электронный ресурс] / Р. Носиков // Однако. – 2014. – 3 апреля. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/patriotizm-kak-norma-likbez-dlya-obrazovannih/>
31. Носиков, Р. Украину затем и взорвали, чтобы отменить 9 мая навсегда [Электронный ресурс] / Р. Носиков // Однако. – 2015. – 13 марта. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/ukrainu-zatem-i-vzorvali-chtobi-otmenit-9-maya-navsegda/>
32. Осокин, М. Медведь у постели и памятник сосиске. Что удивило на неделе [Электронный ресурс] / М. Осокин // Сноб. – 2015. – 1 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/91891>
33. Петрухина, А. Со слезами на глазах [Электронный ресурс] / А. Петрухина // Сноб. – 2016. – 9 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/30020/blog/108162>
34. Познер, В. День Победы – это великий праздник [Электронный ресурс] / В. Познер // Сноб. – 2016. – 9 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/25120/blog/108153>
35. Прилепин, З. У русского человека всегда было неотъемлемое чувство Родины [Электронный ресурс] / З. Прилепин // Однако. – 2015. – 9 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/u-russkogo-cheloveka-vsegda-bilo-neotemlemim-chuvstvo-rodini/>
36. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс] // Профессиональный стандарт. – 2013. – 18 октября. – Режим доступа: <http://профстандартпедагога.рф/профстандарт-педагога/>

37. Разуваев, А. Сталинский вопрос, или Кто виноват в отмене Дня Победы в Украине и в Прибалтике [Электронный ресурс] / А. Разуваев // На Линии. – 2016. – 11 апреля. – Режим доступа: <http://www.nalin.ru/stalinskij-vopros-ili-kto-vinovat-v-otmene-dnya-pobedy-na-ukraine-i-v-pribaltike-1563>
38. Ростов, Г. Память на страже совести [Электронный ресурс] / Г. Ростов // Новая газета. Свободная пресса в Нижнем Новгороде. – 2015. – 17 мая. – Режим доступа: <http://novayagazeta-nn.ru/2015/370/pamyat-na-straje-sovesti.html>
39. Сноб. О проекте [Электронный ресурс] // Сноб. – Режим доступа: <https://snob.ru/basement>
40. Сорокин, А. «28 панфиловцев»: если их не было – значит, Гитлер взял Москву. Об одной нужной и правдивой легенде [Электронный ресурс] / А. Сорокин // Однако. – 2016. – 24 марта. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/28-panfilovcev-esli-ih-ne-bilo-znachit-gitler-vzyal-moskvu-ob-odnoy-nuzhnoy-i-pravdivoy-legendе/>
41. Сорокин, А. Деньпобедное обострение. Как нам доказывают, как нам проиграли войну [Электронный ресурс] / А. Сорокин // Однако. – 2016. – 21 апреля. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/denpobednoe-obostrenie-kak-nam-dokazivayut-chno-mi-proigrali-voynu/>
42. Сорокин, А. Самоопределение «держав Победы» в глобальном конфликте: строить мир по своим чертежам [Электронный ресурс] / А. Сорокин // Однако. – 2015. – 9 сентября. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/samoopredelenie-derzhav-pobedi-v-globalnom-konflikte-stroit-mir-po-svoim-chertezham/>
43. Сорокин, А. Связанные одной лентой. Новая жизнь Дня Победы и современный национальный символ [Электронный ресурс] / А. Сорокин // Однако. – 2016. – 9 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/svyazannie-odnoy-lentoy-novaya-zhizn-dnya-pobedi-i-sovremenniy-nacionalniy-simvol/>

44. Сорокин, А. Что нам теперь можно. К прикладным политическим урокам Дня Победы [Электронный ресурс] / А. Сорокин // Однако. – 2015. – 12 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/chto-nam-teper-mozhno-k-prikladnim-politicheskim-urokam-dnya-pobedi/>
45. Сорокин, Е. Победа и Т-34. Достояние культуры – сегодня и тысячу лет спустя [Электронный ресурс] / Е. Сорокин // Однако. – 2015. – 9 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/pobeda-i-t-34-dostoyanie-kulturi-segodnya-i-tisyachu-let-spustya/>
46. Супер, Е. О грядущих уроках патриотизма в школах. Как воспитать оппозиционеров [Электронный ресурс] / Е. Супер // Однако. – 2015. – 11 марта. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/o-gryadushchih-urokah-patriotizma-v-shkolah-kak-vozpitat-oppozicionerov/>
47. Супер, Е. О предстоящем параде Победы в Берлине [Электронный ресурс] / Е. Супер // Однако. – 2015. – 23 марта. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/o-predstoyashchem-parade-pobedi-v-berline/>
48. Супер, Е. «Патриотический подъем» умрет к осени. Если не будет войны [Электронный ресурс] / Е. Супер // Однако. – 2015. – 1 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/patrioticheskiy-podyom-umret-k-oseni-esli-ne-budet-voyni/>
49. Туркова, К. Словарный запас. Любие и бесие [Электронный ресурс] / К. Туркова // Сноб. – 2016. – 14 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/108330>
50. Уралов, С. Что нужно знать о дне Победы [Электронный ресурс] / С. Уралов // Однако. – 2016. – 6 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/chto-nuzhno-znat-o-dne-pobedi/>
51. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс] / ФГОС. – 2010. – 17 декабря. – Режим доступа: http://www.stupeni15.edusite.ru/DswMedia/_file_doc_fgos_oo.pdf

52. Хаминский, А. Миру – мир, войне – ? [Электронный ресурс] / А. Хаминский // Сноб. – 2016. – 10 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/29950/blog/108083>
53. Шепелин, И. «Не со Сталиным же нам идти». Как «Бессмертный полк» победил душный официоз [Электронный ресурс] / И. Шепелин // Сноб. – 2016. – 10 мая. – Режим доступа: <https://snob.ru/profile/30262/blog/108175>
54. Юлин, Б. «Бессмертный полк» [Электронный ресурс] / Б. Юлин // Однако. – 2014. – 21 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/besmertniy-polk/>
55. Юлин, Б. Нельзя быть патриотом России, ненавидя СССР [Электронный ресурс] / Б. Юлин // Однако. – 2014. – 10 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/nelzya-bit-patriotom-rossii-nenavidya-sssr/>
56. Юхин, С. О системе ценностей: русский не может быть предателем или фашистом [Электронный ресурс] / С. Юхин // Однако. – 2012. – 16 мая. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/o-sisteme-cennostey-russkiy-ne-mozhet-bit-predatelem-ili-fashistom/>
57. Юхин, С. Почему русские вне конкуренции [Электронный ресурс] / С. Юхин // Однако. – 2011. – 12 сентября. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/pochemu-russkie-vne-konkurencii/>
58. Яковлев, Е. Не над ними, а над нами [Электронный ресурс] / Е. Яковлев // Однако. – 2011. – 22 июня. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/ne-nad-nimi-a-nad-nami/>
59. Яковлев, Е. Несколько шагов по защите исторического достоинства [Электронный ресурс] / Е. Яковлев // Однако. – 2014. – 25 июня. – Режим доступа: <http://www.odnako.org/neskolko-shagov-po-zashchite-istoricheskogo-dostoinstva-1/>

ПРИЛОЖЕНИЕ. Методические рекомендации по использованию языковых параметров дискурса Победы на уроках русского языка

Выделенные в процессе анализа языковые параметры дискурса Победы могут активно применяться в школьной практике – как на уроках русского языка и литературы, так и во внеурочной деятельности. Положительную роль в данном языковом материале играет его патриотическая направленность, поскольку затронута наиболее актуальная составляющая нравственного воспитания школьника и гражданина своей страны.

В современном обществе, в условиях процессов интеграции, увеличивается потребность в воспитании личности, которая будет обладать национальной идентичностью, однако при этом способная к межкультурному диалогу. Формирование подобной личности становится возможным, если школьники имеют представление об актуальности дискурса Победы и могут с помощью языковых параметров данного дискурса выявлять их идеологическую направленность.

Так, 18 октября 2013 года № 544н был подписан приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель)». В стандарте прописаны требования к знаниям, умениям и навыкам, необходимым для качественного выполнения трудовой функции, также приводится перечень профессиональных компетенций.

Одной из важных составляющих трудовой функции, согласно стандарту, является воспитательная деятельность учителя, которая способствует развитию обучающихся. Реализация тех или иных воспитательных возможностей должна осуществляться путем проектирования различных видов деятельности ребенка; созданием событий и ситуаций, формирующих ценностные ориентации обучающихся; формированием гражданской позиции, а также толерантности и правил

поведения в современной поликультурной среде; построением воспитательной деятельности с учетом культурных различий детей; созданием среды для переживания обучающимися ценностного аспекта знания (Профессиональный стандарт 2013).

Воспитательная направленность обучения отражена также в Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования, который был учрежден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 года (ФГОС, 2010). Данный Стандарт направлен, прежде всего, на формирование российской гражданской идентичности школьника. Так, среди личностных результатов обучения важным становится самоопределение обучающегося, то есть формирование собственной внутренней позиции; духовно-нравственное развитие; становление ценностно-смысловых установок; развитие правосознания. Среди главных характеристик портрета выпускника основной школы Стандарт определяет целостное мировоззрение; сформированное нравственное поведение; любовь к своему краю и к своему Отечеству; знание русского языка; уважение своего народа, а также его духовных традиций; понимание прошлого и настоящего многонациональной России; осознание ценности семьи и гражданского общества; чувство ответственности и долга перед Родиной (ФГОС, 2010).

На основании данных нормативных документов применение текстов патриотической направленности с использованием языковых параметров дискурса Победы на уроках русского языка приводит к следующим результатам:

- 1) формирование орфографической зоркости и навыков грамотного письма;
- 2) знакомство с особенностями публицистического стиля речи;
- 3) воспитание интереса к изучению русского языка как средства коммуникации;

- 4) развитие устной и письменной речи школьников; формирование умений задавать вопросы и слушать; создавать, воспроизводить и обосновывать свою точку зрения;
- 5) расширение кругозора школьников;
- 6) развитие словарного запаса, связанного с темой Великой Победы;
- 7) воспитание на примере языкового материала чувства любви к Родине; формирование гражданско-патриотических качеств личности, а также уважения к старшему поколению;
- 8) привлечение внимания школьников к теме подвигов солдат в Великой Отечественной войне при защите своей Родины;
- 9) отработка умений писать сочинения на военную тематику, а также сочинений-писем или телеграмм;

Для достижения данных результатов на уроках русского языка с использованием языковых параметров дискурса Победы возможно использование следующих методов: словесный, наглядный, диагностический, исследовательский, проектный, проблемный, творческий, поисковый и другие. Среди форм работы приоритетными являются работа в группах, творческие работы учащихся, самостоятельная деятельность, защита рефератов и проектов, уроки-семинары и уроки-лекции.

Как известно, внеурочная деятельность в большинстве своем является продолжением урока, которая расширяет, обогащает знания обучающихся, а также углубляет интерес школьников к той или иной теме, проблеме. Оптимальным является проведение различных викторин, лингвистических и интеллектуальных игр, исследовательской и проектной деятельности с использованием языковых параметров дискурса Победы, что приводит к достижению следующих результатов:

- 1) формирование у школьников таких качеств, как сопереживание, готовность помочь, отзывчивость;

- 2) развитие оптимального уровня толерантности, а также снижение идеологических противостояний;
- 3) укрепление понятия единство и уважения к другим национальностям.

Проектная внеурочная деятельность может быть направлена на создание словаря с комплексным лексическим описанием слова «Победа». В процессе работы над проектом школьники могут овладеть навыками полного и частичного лингвистического анализа, а также научиться находить и работать с информацией из тех или иных лексикографических источников. Итогом проекта становится собранная информация о значении, истории, употреблении слова «Победа» в языке, литературе, культуре.

Возможна также организация игровых ассоциативных экспериментов с использованием концептов «Патриотизм», «День Победы», «Героизм», «Память» и других. Главной целью проведения подобных экспериментов становится наблюдение и изучение ассоциативно-вербальных связей сознания школьников, что помогает в корректировке ценностных установок, мотивов поведения и оценок.

Тексты с языковыми параметрами дискурса Победы целесообразно использовать также при подготовке школьников к сдаче выпускных экзаменов – ОГЭ и ЕГЭ. Например, в процессе подготовки к написанию сочинений-рассуждений на патриотическую тематику. Подготовка может проходить в форме беседы, с использованием приемов активации мыслительной работы с помощью анализа информации, а также с помощью нахождения связей между русским языком, публицистическими информационно-аналитическими статьями и историей.

Использование языковых параметров дискурса Победы возможно также при разработке самостоятельного элективного курса по русскому языку, направленному на углубленное изучение особенностей публицистического стиля.